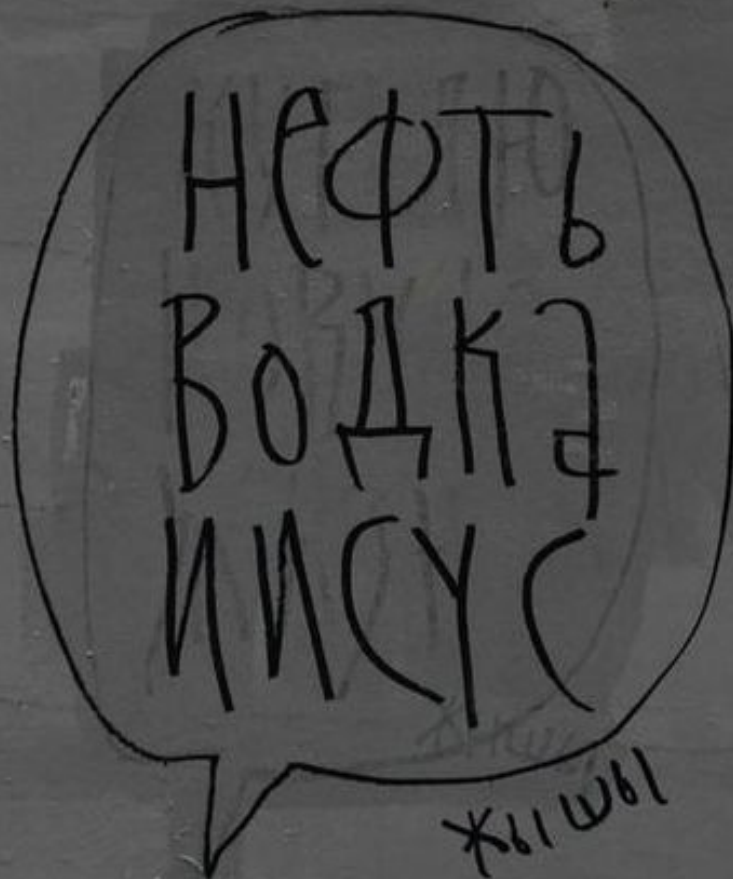

18+

АЛЕКСАНДР ОВЧИННИКОВ

2020

Александр Овчинников

2020

«Издательские решения»

Овчинников А.

2020 / А. Овчинников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903599-8

Страна изменилась. Общество разбито на касты. Большой брат, воспетый в известном романе, стал реальностью. Власть ставит над населением опыты с применением геной инженерии и планирует построить электростанцию, элементами питания которой станут обычные люди. Найдется ли сила, способная справиться с произволом и вернуть надежду на счастье? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903599-8

© Овчинников А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Дурман	6
Глава 2. Номер 16	9
Глава 3. Безукоризненно выполненное задание	11
Глава 4. Ужасный сон наяву	19
Глава 5. Перспективы	26
Глава 6. Благое дело	29
Глава 7. Два с половиной	32
Глава 8. Сопротивление не спит	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

2020

Александр Овчинников

© Александр Овчинников, 2020

ISBN 978-5-4490-3599-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дурман

Боль нарастает. Стремительно распространяется от левого виска. Пульсирующая боль, текущая по венам раскаленными, обжигающими сгустками, захватила всю левую половину тела. Онемели ноги. В носу запах свежеспавшей листвы.

Боль докатилась до груди. Стало трудно дышать, но аромат не пропал, а наоборот будто бы только усилился. Попытался ослабить галстук. Руки налились тяжестью и плохо повиновались. Каждое движение дается с трудом. Пальцы свела судорога. Сознание уплывало. Успел взглянуть на желтый ковер, устилающий землю, и провалился в темноту.

Сознание вернулось резко, одновременно с резким вдохом через рот. Боли почти не было, лишь ее слабые отголоски ворочались где-то в голове. Пульс частый. Вокруг тишина. Сидел в парке на скамейке, явно стоявшей тут очень давно: покосившаяся, несколько слоев краски почти везде облупились, обнажив темную от времени древесину.

Тропинка узкая и выглядит заброшенной. Вокруг высятся почти осыпавшиеся буки и ясени, в отдалении сменяющиеся еще не до конца облетевшими березами. Других деревьев не видно. Позади грязный, когда-то, видимо, выкрашенный белой краской бетонный забор. На нем несколько неумелых граффити. Букв не разобрать.

На земле вольготно раскинулось желтое покрывало. Поверх него ясно отпечатались следы. Голубое небо делит надвое хребет диковинного зверя, составленный из облаков неведомым мастером. Отчетливо виднеются каждый сустав, каждое сочленение.

Аромат опавших листьев дурманит. Олег пошевелил пальцами, покрутил головой. Тело послушно отозвалось. Нестерпимо зачесался левый висок. Воздух всколыхнулся от комариного звона. Инстинктивно дернулся и хлопнул в воздухе руками.

Насекомое оказалось огромным, заматеревшим, жирным, насосавшимся крови. Размером с хорошего шмеля, оно лопнуло между ладоней с отвратительным хлопом и будто бы механическим треском. С отвращением сбросив его на землю и вытерев выпачканные руки поднятым с земли желтым листом, Олег оторвался от скамейки.

Природа вокруг завораживала. Небесная синева с белым позвоночником разлегшегося на ней облачного динозавра накрывала парк умиротворяющим куполом. Откуда в этой осенней тишине и покое взяться комару, да еще такому циклопическому?

Олег взглянул на его останки и почему-то задумался о собственной гибели. Умирать не хотелось. Вдалеке прогремел по рельсам трамвай, сдернув покров тишины. Защебетала птаха, ее неуверенно подхватила другая, потом присоединилась еще одна, вклинилась четвертая – и вот звонкая песня уже разлетелась вокруг, вбирая все новые голоса.

Капли крови на листе ясеня, к которому прилип и труп комара, притягивали взгляд. Откуда-то пришло ощущение, что нельзя их там оставлять. Олег поднял листок и хотел уже сунуть в карман пальто, но потом решил набрать больше листвы и завернуть в нее свой трофей.

Со стороны, откуда приходили его следы, послышался шум. Кто-то торопясь шагал по тропинке. Среди деревьев пока никого не было видно. Тяжелая поступь и свист задеваемых веток давали понять, что идет обычный человек. Олег горько усмехнулся. Обычными теперь называли всех, чья масса стремилась догнать рост. Теперь? Сколько длилось это «теперь»?

В просвете между стволами мелькнула фигура спешащего. Олег рухнул на лавку и притворился, что спит. Человек, идущий по тропинке, заметил его и сбавил шаг. Он был метрах в тридцати, а его сопение уже казалось громче птичьих трелей. Незнакомец приблизился. Из-под полуопущенных век Олег наблюдал за ним. Ростом выше среднего, в поперечнике не больше, чем метр-тридцать, в костюме явно фабричного производства.

Плащ безжизненно свешивается, перекинутый через руку, больше похожую на оплавленную водосточную трубу с бахромой пальцев-сарделек. На одутловатом лице, которое избо-

роздили дорожки пота, строгий, выглядящий нелепым, тонкий нос с небольшой горбинкой. Никакой растительности на физиономии, даже бровей. Шляпа сдвинута на затылок. Не дойдя до скамейки пары шагов, тип остановился.

– Эй, ты! – Голос довольно визгливый, но не слишком.

Олег удивился появившемуся чувству брезгливости. Неприятным в незнакомце казалось все: внешний вид, интонация, даже то, как он держал свой плащ. Обычно Олег не обращал внимания на такие вещи, не испытывал подобных эмоций и воспринимал все происходящее как должное. Сейчас же он поймал себя на этих ощущениях и удивился. В левый висок снова заколотилась боль.

– Доходяжка! – Олег почувствовал в обращенном к себе возгласе одновременно злобу и нерешительность. Он открыл глаза и молча уставился на отпрянувшего человека. Теперь ему удалось лучше рассмотреть его лицо. Оно выглядело собранным из разных, абсолютно не гармонирующих друг с другом блоков. Отсутствие бровей добавляло карикатурности и нелепости. Глаза немного навывкате казались бесцветными провалами в никуда. Олег не смог рассмотреть в них никаких эмоций.

– Встать! – Рявкнул незнакомец. Маленькие зубы сверкнули ослепительной белизной из-под треугольных губ. Олег внутренне поморщился, ему не хотелось подчиняться. Голос и интонации незнакомца его бесили. Он продолжал молча сверлить взглядом типа с плащом.

– Я из надзора! Немедленно встать и предъявить документ! – Кажется, он действительно разозлился: щеки раздувались, на лбу проступила жилка. Лицо пошло пятнами.

Сейчас бы смыться – мысль настолько необычная и шальная, что Олег потряс головой. Пересилил себя. Медленно поднялся со скамейки и полез в карман за карточкой.

– С какой целью покинул место работы раньше обычного? Почему шляешься здесь? – Человек из надзора выразительно обвел взглядом пожелтевший парк, заполненный птичьим гомоном, и принялся изучать документ. На его лице явно отразилось смятение. Он выдвинул штрафной корешок и замер на несколько мгновений. Сбросив оцепенение, засуетился и полез в карман плаща, видимо, за компостером.

Олег понял, что у него нет ответа. Внезапно подступила тошнота, боль в виске усилилась. Облизал губы. И, даже не успев удивиться собственной безрассудности, выхватил карточку из руки оторопевшего типа из надзора и бросился прочь.

Он петлял по парку, стараясь избегать дорожек, на которых могли встретиться люди, и одновременно запутать следы, предательски отпечатывающиеся на опавших листьях. Погони не слышно. Нужно остановиться, но ноги сами несли Олега вперед, пока в голове крутился целый калейдоскоп из обрывков воспоминаний.

Хотя кого он мог встретить? Обычные люди вряд ли бы решились здесь прогуливаться, доходяжкам же запрещалось «слоняться без необходимости». Доходяжки. Кто только это выдумал.

Сеть тропинок пересекала парк тут и там. Покидать его не хотелось. Казалось, деревья могут скрыть его от любопытных взглядов и даже от служащих надзора. Покружив некоторое время, Олег вернулся к скамейке, на которой его застал один из них. Сейчас об агенте напоминали только примятые листья на тропинке. Судя по следам, после бегства Олега представитель надзора отправился в сторону трамвайной остановки.

Ну и катись – подумал со злобой. Удивился собственным эмоциям, казалось, он отвык их испытывать. Сумятица в голове исчезла, мысли стали простыми и четкими, видения, прошедшие из какой-то другой, прошлой жизни, словно испарились. Снова уселся на скамейку.

В парке тихо, птицы умолкли. Хребет динозавра на небе распался на множество перистых облаков, расползся. Солнце клонилось к закату. Его лучи ласково перебирали золото необлетевших листьев, словно мамины пальцы – пряди малыша. Опять прогремыхал вдали трам-

вай. Ветер донес с завода запах свежеепеченного хлеба. От аромата засосало под ложечкой от голода.

Нужно идти домой. Домой. Олег горько усмехнулся. Он вспомнил, что называл домом раньше. Частная квартира. Лифт. Лифт, которым мог пользоваться любой житель или гость. Отдельные ванная комната и туалет. Вода – холодная и горячая – сколько угодно, без расписания. Свет и бытовые приборы тоже можно включать и выключать когда хочешь.

Вспомнил череду судов с обслуживающими компаниями, которые пытались сэкономить на отоплении и подогреве водопроводной воды. Он все время боролся против системы. Обостренное чувство справедливости делало жизнь непредсказуемой. Вот ты гуляешь в парке – и вот уже приходишь в себя на больничной койке. Просто хулиганам, пристававшим к девушке, не понравилось твое замечание.

Вот ходишь по дворам, выискивая догхантеров, а вот сидишь в комнате предварительного заключения, потому что один из отравителей – сын какого-то важного чинуши со связями в милиции.

Звонки с угрозами, обыски в доме и нескончаемые повестки в суд, после того как организовал жителей района и не дал застройщику, находящемуся в доле с городскими властями, обезобразить сквер многоэтажным уродцем.

Дом. Олег снова думал о доме. Красивая посуда. Черные тарелки из Икеи, стаканы из зеленоватого стекла, подобранные в тон к обоям на кухне. Увесистые, солидные столовые приборы, которые приятно брать в руки, с которыми понимаешь, что ты ближайšie полчаса принимаешь трапезу, а не эти жалкие алюмопластмассовые гнущиеся ножи, мнущие хлеб и застревающие в луковицах.

Удобная мебель, шкаф с одеждой, сшитой на фабрике – ни швов, царапающих кожу, ни однообразных коричневатых цветов, отравляющих душу. Кровать, которую дотошно выбирали вместе с женой...

Олег вздрогнул. Впервые он вспомнил о ней. Впервые за сколько дней? Недель? Лет? Куда исчезла Оля? Куда делись дети? Что вообще произошло? Что за обычные люди? Почему он – нормальный – стал исключением, врагом, доходяжкой?

Глава 2. Номер 16

Что-то изменилось. Мысли о прошлой жизни пугливо исчезли, будто и не было. В парке быстро темнело, между деревьями пролегли длинные тени. К нему приближались двое. Среди стволов их еще не видно, зато слышны голоса. Они не были визгливыми, значит, принадлежали доходяжкам, таким же, как он сам.

Обычные люди уже не могли говорить нормально. Все из-за единственного настоящего питания. Олег видел, как перестраивается организм после его употребления. Человек, хотя бы раз отведавший такой еды, начинал расплзаться, а при регулярном рационе становился похожим на фигурку, составленную из воздушных шаров, надутых нерадивым продавцом с разным усилием.

Говор обычных людей звучал под стать их облику – будто шарики, из которых они состояли, начинали сдуваться. Хлюпы, взвизги, присвист, из-за искаженного тембра их речь больше напоминала озвучку злодеев-инопланетян из детских мультфильмов.

Единственное настоящее питание выдавалось не всем, его нужно было заслужить. Только истинные патриоты получали довольствие. Проклятая часть общества, к которой относился Олег, имела право только на хлеб, лук и воду. Эти продукты не входили в список национально поддерживаемых.

Люди, сидевшие на таком пайке, не меняли комплекции. По сути, они оставались нормальными и в целом здоровыми, но обществу патриотов нужны были враги. Враги, вызывающие зависть и ненависть. Враги, удерживающие все внимание обычного человека. Отбросы, которых заставили выполнять всю работу в стране. Телевизор окрестил их доходяжками.

Что ж, судя по приближающимся голосам, звучащим нормально, – доходяжки, а значит, и вопросов задавать не должны. Олег решил дожидаться, пока они пройдут мимо. Ему не хотелось ни с кем разговаривать: слишком многое навалилось разом. Сколько времени он провел как в тумане? Его чем-то опоили?

Среди деревьев показались две фигуры. Он опустил голову и сделал вид, что оттирает грязь с колени. Двое приблизились и замолчали. Олег, не поднимая голову, утюжил брюки обеими руками и не слышал ничего, кроме шороха материи и собственного дыхания.

Значит, те двое просто остановились и молча смотрели на него. Выглядело это очень странно. Им полагалось пройти мимо. Не разрешалось праздно разгуливать и разговаривать с чужаками, да и много чего еще. Даже на трамвае ездить.

Запретов так много, что запомнить все не представлялось возможным. В день появлялось три-четыре новых: правительство старалось изо всех сил. На обычных людей все эти табу, как правило, не распространялись. Прошло около минуты.

– Ну и долго комедию будем ломать, номер 16? – Голос звучал насмешливо.

Олег перестал оттирать воображаемую грязь, разогнулся и взглянул на подошедших. Этот денек выдался полным сюрпризов. Оба незнакомца выглядели как доходяжки, но при этом одеты в фабричные костюмы превосходного качества, поверх которых накинута плащ из настоящей кожи. Из глубин сознания всплыл Высоцкий в роли сыщика МУРа.

У одного типа были солнечные очки, подобранные к форме лица. Интересно, что он сейчас мог увидеть в сгущающихся сумерках. Второй, повыше, попыхивал трубкой. На заброшенной тропинке они выглядели существами из другого мира. Точнее пришельцами из прошлого. Вдалеке опять прогрохотал трамвай. Олег замороженно смотрел на незнакомцев и молчал.

– Во-первых, сразу предупрежу: решишь побегать, будет хуже. – Не вытаскивая изо рта трубки, пропыхтел высокий. Над ней в конце его фразы вспух небольшой клуб дыма, словно демонстрируя серьезность намерений.

– Нет, нет! Я ни в коем случае... – залепетал неожиданно для себя Олег. Его недавняя решимость исчезла. Он словно перестал быть Олегом, превратился в номер 16. Сознание стало затуманиваться, даже краски вокруг померкли.

Он больше не чувствовал аромат листвы и хлеба. Ему было совершенно все равно, что случится дальше. Сил на сопротивление не осталось, мысль о побеге промелькнула, но не вызвала никаких эмоций. Как во сне он вынул из кармана карточку, но, повинувшись жесту типа в очках, положил ее обратно.

– Очень любопытно, – обращаясь скорее к своему спутнику, чем к Олегу, сказал тип в очках. – Никаких симптомов. Уж не перепутал ли этот Иванов из надзора?

– Перепутал или нет, это мы непременно выясним, но и здесь подстрахуемся. – Голос человека с трубкой показался еще более зловещим, чем прежде. Тип рванулся вперед и схватил его за руку чуть ниже локтя. Движение столь стремительное, что Олег и дернуться не успел. Впрочем, номер 16 и не собирался этого делать. Зачем?

Пальцы чужака оказались неожиданно теплыми, что пробудило какие-то ассоциации. Кто-то так же прикасался к нему теплыми руками, только это предвещало что-то хорошее. Сосредоточиться не получалось, мысли казались каменными глыбами, чтобы их додумать, пришлось бы закатить их на гору. Сизиф, Сизиф, Сизиф.

Заломило в висках. А от стальной хватки странного доходяжки в кожаном плаще рука стала понемногу неметь. Олег слабо удивился силе незнакомца. Это тоже что-то напоминало, но ноющая боль в висках не прекращалась.

Хватка неизвестного не ослабевала, при этом второй рукой он сноровисто закатал рукав пальто безучастно наблюдавшему за этими действиями номеру 16. Одним движением человек с трубкой выхватил из кармана странный предмет, похожий на шприц, и Олег почувствовал укол. Он с удивлением смотрел на свою руку, ощущая на ней чужие пальцы, но не замечая ни их, ни вонзенной в нее иглы. Вокруг клубился едкий дым от трубки.

Рука налилась тяжестью. Олегу чудилось, что она растет в размерах. Сколько продолжалась инъекция, он не знал, но вскоре ему стало казаться, что его рука похожа на ствол ясеня, покрыта такой же корой. Пришла осень. С ветвей ясеня облетают желтые листья, падают, устилают все вокруг, кружатся в воздухе. Земля становится холоднее, дерево засыпает. И больше нет вокруг ничего, только порывы ветра. Боли нет. Тишина. Темнота.

Глава 3. Безукоризненно выполненное задание

Иванов нервничал. Вчерашний понедельник был странным. Началось все с того, что на подоконнике их кабинета появился голубь, который стал разгуливать по карнизу и пялиться на агентов. Казалось, птица ведет себя вызывающе. Добряков, сидящий ближе всех к окну, запустил в голубя скрепкой. Она брякнула по стеклу и косо отскочила. Иванову почудилось, что птица поморщилась. Под гогот коллег она снялась с подоконника, и тут у Иванова на столе зазвонил красный телефонный аппарат.

Это и вовсе выбивалось из привычного ряда событий. За долгие месяцы его работы в надзоре, которые теперь назывались не месяцы, а троепутия, по красному телефону агенту не звонили ни разу. Однако рефлекс сработал быстрее сознания: он как на учениях схватил трубку и браво выкрикнул «Иванов Андрей, четвертый участок!»

Голос в трубке тоже показался агенту странным, каким-то бесцветным, пресным, никаких ноток, присущих обычным людям, не звучало в нем. Впрочем, удивляться тогда не было времени. По инструкции следовало внимательно выслушать и записать распоряжения.

Голос сообщил о том, что пропал доходяжка, порядковый номер 16. Вышел из здания второй студии (первая находилась в самом центре, возле Кремля), в котором работал, на несколько часов раньше обычного. Приказали найти его, выяснить причину поведения, доложить непосредственному начальству в течение суток.

Андрей неплохо знал район, видимо, поэтому поиски поручили ему. Он связался с управлением наблюдения. За два часа ни один из автоматических фиксаторов в районе проживания номера 16 совпадений не обнаружил, то есть доходяжка пока так и не добрался до своего жилища. Очень подозрительная история.

Агент покинул второе управление надзора. Не стал надевать плащ, а перекинул его через руку. Сначала Андрей зацепился им за угол стола в кабинете, потом за ручку двери на выходе из здания. Тогда он и не обратил внимания, но сейчас, по прошествии времени, эта маленькая деталь его путешествия показалась знаком, не сулившим ничего хорошего.

Дверь учреждения скорбно хлопнула за спиной. Иванов переложил передатчик из брюк в карман плаща и зашагал от голубой высотки. Когда-то композиция из странных многоэтажных прямоугольников называлась жилым комплексом «Два капитана», а рядом располагалась станция метро «Щукинская». Теперь одно здание стояло заброшенным, а в другом разместилось второе управление надзора.

Агент шел мимо трамвайных путей в сторону разросшегося и неухоженного теперь парка. В голове роились запрещенные мысли, вытянутые из подсознания воспоминаниями о подземке. Жизнь для него навсегда разделилась на до и после.

Тогда он был молодым, здоровым и брутальным, ездил на подержанном внедорожнике и имел красавицу-жену с молчаливой тещей и веселым тестем. После же – стал служащим организации, которую не уважал, расползся и разлезся, оказался лишен личной машины и многих других привычных вещей. Так сложились обстоятельства, но он часто мечтал, чтобы они сложились иначе.

Теперь метро работало лишь в пределах кольцевой линии. Не той, что запустили всего несколько лет назад, а старой, обозначенной на схемах коричневым цветом. Обычно Андрей выходил из здания через другой подъезд и заколоченный вход в метро не попадался ему на глаза.

Подспудно Иванов понимал: как раз чтобы избежать этих мыслей, он и делал крюк по лабиринтам гигантского полупустого первого этажа, в котором раньше располагались торговые точки и огромный спортивный магазин. Его названия агент уже не помнил, зато до сих пор носил купленную там шапку.

Пару лет назад этот путь через заброшенные помещения нашелся совершенно случайно. Оппозицию тогда еще не добились, единственное настоящее питание только вводилось, а мрачные дружины патрулировали улицы. В недавно открытое второе управление надзора, куда его пристроил тесть, ожидалось прибытие какой-то важной особы. Иванова отправили за документами в 46 районное отделение.

Бумаги, как всегда, нужны были срочно, и, тогда еще не располневший до состояния обычного человека, Андрей лихо преодолел три лестничных марша и направился к выходу. Не тут-то было. Дежурный получил строгое распоряжение никакой сутолоки не устраивать, поэтому красноречиво указал Иванову на лестницу.

Агент помянул высокое начальство, приезд которого наделал столько переполоха, и собрался отправиться наверх без документов. Но тут заметил, что за ступеньки ведет небольшой проход. До этого Иванов не обращал внимания на этот коридорчик. Мало ли что там находится.

Возвращаться в кабинет без нужных начальству бумаг не тянуло, и он двинулся на разведку. Коридор быстро закончился. За ним оказался закуток, на первый взгляд казавшийся тупиком. Андрей готов был пойти назад, но что-то остановило его.

Иванов привык доверять интуиции. Она редко его подводила. Медленно пересек небольшое, слабо освещенное пространство и остановился у стены. Присмотревшись получше, разглядел, что это не стена, а двустворчатая дверь от пола до потолка. Ручки не было. По очереди толкнул сначала левую, потом правую. Первая осталась совершенно неподвижной, а вторая открылась легко и бесшумно. За дверью – еще один коридор, плохо освещенный и изгибающийся метрах в трех.

Сперва агент попробовал закрыть и снова открыть дверь, находясь в закутке. Все прошло гладко. Тогда он скинул куртку и проверил прием сети на передатчике. Зайдя во внутренний коридор, опять провел эксперимент с дверью. Изнутри ручки тоже не было, но по кромке створки шел кант, потянув за который, Иванов без труда открыл ее.

Подумав, что в неразберихе, что творилась по случаю приезда важного гостя, его с документами хватятся не скоро, отправился исследовать обнаруженный лаз. Ему даже не пришлось в голову вернуться в кабинет и доложить о находке. Тогда с дисциплиной было куда проще. Он со значительно большей вероятностью мог быть оштрафован Николаем Альбертовичем за то, что вернулся без бумаг, чем за то, что двинулся «в обход».

Повернув за угол, Андрей оказался перед зияющим проломом в стене. Раньше тут находился тупик с вентиляционными шкафами, остатки которых скорбно обрамляли дыру. Оборванные патрубки легко помахивали бахромой обмотки на слабом сквозняке. Пролом большой, в него легко мог пройти конь с седоком на спине или средней величины слон.

Сначала Иванову показалось, будто за дырой в стене мрак, но сделав несколько шагов вперед и оказавшись на границе проема, понял, что ошибся. Вокруг хватало света. Потолок терялся в темноте, но кое-где с него на проводах свисали люминесцентные лампы. Некоторые неярко, будто в четверть мощности, горели.

Агент отправился бродить по заброшенному лабиринту, пытаясь добыть что-нибудь ценное. Напрасная трата времени. Мародеры уже давно все здесь прошерстили.

Огромный зал раньше был разгорожен на много отдельных помещений разного размера. Сейчас большинство внутренних стен и панелей оказалось разломано, повсюду царил кавардак. Пространство под ногами завалено тряпьем, пленкой, битым стеклом, обломками бывших прилавков и стенов. С пола таранились рекламные плакаты с довольными улыбающимися людьми.

Внезапно Иванов замер: на границе света что-то было. Подойдя поближе, он едва смог унять стук сердца: какой-то шутник за ногу подвесил к потолочной балке детскую ростовую куклу, перед этим основательно изуродовав ее. Из глазниц торчат смятые бычки. Издалека их можно принять за гигантские слипшиеся ресницы.

Прошел час или около того, прежде чем Андрей окончательно убедился, что пожить здесь ничем не получится. Он хотел уже возвращаться, но тут его посетила другая мысль. Иванов двинулся вперед, пока не оказался у заколоченного изнутри окна.

Сквозь щели бил солнечный свет, быстро терявшийся в полумраке, царящем в этом запустении. Прикинув, где должен находиться главный вход в здание, Иванов отправился вдоль забитых окон. Не прошло и пары минут, как он оказался в просторном холле. Света здесь было больше: стеклянные двери, неряшливо замазанные изнутри серой краской, пропускали достаточно солнечных лучей.

Провозившись полчаса, используя подручные обломки, Андрей расковырял замок. Попробовал найти кнопку включения автопривода дверей, но, взглянув на выданный с мясом фотодатчик, бросил поиски. Надавил на дверь одной ладонью и попробовал сдвинуть ее в сторону. Ничего не вышло. Нажал двумя руками, потом всем телом – безрезультатно. Дверь осталась неподвижной, ее чем-то намертво заклинило.

Попробовал подцепить одну створку обрубком металлической трубы и сам не заметил, как задел плечом вторую. Она с неприятным скрипом: в полозьях скопилась грязь, а может, мелкие камешки, – чуть отъехала. Иванов просунул в образовавшуюся щель ладонь, отвел ее подальше и выглянул. На улице ни души.

Предстояло соорудить замок. Из подручного хлама агент быстро сообразил защелку. Теперь дверь легко открывалась изнутри, если знать, где нажать. К импровизированной щеколде привязал обрывок кабеля и протолкнул его в отверстие, где раньше скрывался фотоэлемент.

Довольный собой, проверил, что замок открывается снаружи, и осторожно свернул кабель в хомутик, который затолкал все в ту же дыру. Огляделся по сторонам, не заметил ничего подозрительного и отправился в 46 районное отделение.

Вернувшись с необходимыми документами, Иванов получил устный нагоняй от Николая Альбертовича. Обошлось без штрафа, что уже являлось маленькой победой, а учитывая найденный тайный путь, Андрей провел тот день с огромной пользой. Теперь он мог быстрее добираться до дома, не обходя здание управления.

Эти воспоминания чередой пробежали перед его глазами. Что же касается вчерашнего дня, он был воистину странным. Когда агент отправился на задание, выданное по красному телефону странным, непохожим на обычный людской голосом, он почему-то проигнорировал все подсказки, поданные ему окружающим.

Иванов вспомнил, что лоточники, обычно в это время торговавшие всякой дрянью возле трамвайной остановки, куда-то испарились, поэтому здесь не царило обычного оживления.

Может быть, из-за отсутствия людей на проводах собралась целая стая ворон, с приближением Андрея устроившая настоящий концерт. Синеющий от холода робкий доходяжка, продававший билеты на трамвай, удивленно и несколько испуганно воззрился на птиц, а потом на приближающегося агента. Иванов с пренебрежением покосился на пернатых и попробовал их передразнить. Вышло омерзительно. Вороны с отвращением прекратили гай.

Агент дождался трамвая и проехал несколько остановок. В полупустом вагоне знакомых лиц не оказалось, и Иванов всю дорогу смотрел в окно. Там мелькали деревья, уже тронутые

осенью. Он вышел из трамвая, который погрохотал дальше, и чуть не упал, поскользнувшись на влажных листьях – твою мать!

Андрей пересек парк и оказался у здания студии, в котором работал номер 16. Странный номер. Видать, птица важная. Двухзначный номер. Да и по красному телефону звонили... Даже после этой мысли его интуиция промолчала. Да, вчера она проспала решительно все, лишив его поддержки.

Иванов немного постоял, чтобы отдышаться. Он решил не заходить внутрь: не хотелось общаться с охраной студии, эти уроды мнили себя слишком важными. Надутые павлины. По правде говоря, Андрей им немного завидовал. Еще бы, доступ к спецраспределителю с питанием для важных шишек, приезжающих на съемки.

Признавшись себе в этом, агент решил все же зайти и спросить у охранников, не заметили ли они необычного поведения. Все тщетно. Ничего полезного они сообщить не смогли. Слишком увлечены каким-то сериалом. Иванов вышел. Автоматические двери закрылись за спиной. Огляделся и не заметил ничего, что навело бы его на след разыскиваемого.

Агент развернулся, и отправился к парку. Немного посидел на лавочке у входа, размышляя, что делать, а потом двинулся прочь от студии. Выбрал самую заброшенную тропинку и буквально через несколько минут ему пришлось похвалить свое шестое чувство: на дорожке отпечатались свежие следы. Это была единственная вспышка интуиции за вчерашний день.

В радостных мыслях о премии за безукоризненно выполненное задание Иванов шагал между деревьями. О важности доходяжки с двухзначным номером он больше не думал. В парке стоял веселый птичий гомон. Впереди, в просветах между деревьями, он увидел покосившуюся скамейку. На ней сидел доходяга. Голова свесилась, глаза закрыты.

Вот бы в распределителе оказались конфеты или джем, размечтался Андрей. Как раз бы получилось набрать побольше с премии. Сладкое давно стало единственной его слабостью. Кроме сигарет, разумеется.

Он приблизился к скамейке и остановился. И тут все пошло наперекосяк. Доходяжка вел себя вызывающе и явно не спешил подчиняться. Впрочем, окрик заставил его подать агенту документ.

Как только Иванов прочел реальные имя и фамилию номера 16, он сразу понял, откуда знает его лицо. В прошлом – один из главных оппозиционеров, головная боль правящей элиты. Агент пробежался глазами по карточке, лихорадочно соображая, что же дальше делать. Никаких указаний по поводу задержания он не получил, и теперь приходилось гадать, как поступить.

Любая ошибка могла стоить ему не только премии, но и места в надзоре. А это значит, прощай, дополнительные пайки, прощайте, распределитель, относительная защищенность и жилье повышенной комфортности на первом этаже. Лифт-то работал от случая к случаю, и те, кто жил выше, даже оборудовали лестничные марши откидными сиденьями вдоль стен.

Он выдвинул штрафной корешок. Тот был девственно пуст. Иванов решил снять с себя ответственность и полез в карман за передатчиком. Но тут все окончательно испортилось, потому что Горюнов выхватил свою карточку из руки агента и, пригнувшись, бросился наутек, да так, будто за ним гнался целый полк чертей в облике президента.

Андрей в замешательстве двинулся было в сторону, куда унесся доходяжка, но преследование явно ждал провал. Агент в сердцах топнул ногой. Легче от этого не стало. Тогда он сел на скамейку и вытащил передатчик. Стал репетировать речь, но губы не слушались.

Сердце сжимал страх, липкий пот катился по спине. Явный крах. Учитывая статус задания, ему точно не отделаться простым штрафом. Изгнание из надзора – самое меньшее. Да какое! За такое ему вполне могли вкатать и распыление.

Может, стоит самому... А как? Да, в самом деле как? Повеситься – ни одно дерево не выдержит. Он даже усмехнулся, представив, как пытается найти сук подходящей толщины. Тем не менее оглядел ветви ближайших ясеней. Ничего достойного. Да и веревки нет.

Агент тягостно вздохнул и включил передатчик. Выбрал позывной шефа и скорбным голосом начитал отчет о произошедшем. Добавил, что пытался дважды связаться посредством голоса, но соединения не произошло. Зачем было врать насчет вызовов, если Николай Альбертович все равно немедленно перезвонит сам, как только прослушает отчет, Андрей не знал.

Просто отсрочить неизбежное – решил он и побрел к трамвайной остановке. В управление можно дойти и пешком. Долго, тяжело, но сейчас это его устраивало. Может быть, если не особо торопиться, он даже не успеет до окончания рабочей смены. Пронеслась мысль о том, чтобы броситься под трамвай.

Запиликал передатчик. Номер не отображался.

– Быстро они! – Чуть не выронив аппарат, пробормотал Андрей вслух и нажал «Прием». – Да, слушаю!

На том конце что-то пикнуло, будто включилась запись. Тот же самый голос, что Иванов услышал утром в красном телефоне, заявил, что агенту и его непосредственному начальству завтра необходимо явиться в главное управление. И передатчик запищал отбой. Ни времени приема, ни номера кабинета. Худшие опасения Иванова подтверждались.

Аппарат опять затрещивал. На этот раз на экране высветилось разъяренное лицо Николая Альбертовича.

– А, твою мать! Нет, ну уж это-то слишком!!! Это выходит уже просто за все рамки! Ебанные ебатулии! Как прикажешь все это понимать? Внутреннее расследование!!! Что надо было натворить, чтобы меня!.. – Багровое лицо начальника искривилось. Ему явно не хватило воздуха для завершения тирады.

– Да... – Попробовал вклиниться Андрей, воспользовавшись паузой, но не тут-то было.

– Чтоб меня вызывали в главное управление! Да я всю жизнь на эту службу положил, два троюпутия до пенсии! Ордена! Тебя, сука, пристроил! – И совершенно неожиданно шеф разревелся, слезы текли прямо на его передатчик, капля попала на линзу. Изображение размылось.

Дальше Иванов не мог ничего разобрать в череде всхлипов. Он остановился и растерянно смотрел в экран. Вдруг Николай Альбертович перестал плакать, протер глазок камеры и впери в Андрея взгляд, не суливший ничего хорошего. – Чтоб через полчаса был тут. – Безапелляционно отчеканил он и отключился.

Иванов кинулся к трамвайной остановке. Шутки кончились. Подставлять начальство никак нельзя, а для этого надо разработать совместную стратегию. К тому же Николай Альбертович единственный, кто, возможно, сможет вытащить его из заварившейся каши.

К счастью, трамвай подъехал сразу же. В вагоне ехало несколько знакомых, но Андрей сделал вид, что не заметил их. Уселся на диванчик, сунув в прорезь турникета служебное удостоверение, и уткнулся в экран передатчика.

Дежурный на входе привычно скользнул взглядом по документу и нажал кнопку, опуская заслонку. Возле лифта его поджидал Добряков. Он расплылся в фальшивой, сочащейся ядом улыбочке и похлопал Иванова по спине.

– Тебе на шестой. В шесть тыщ пятнадцатый. Альбертыч уже там. – Добряков славился способностью порадоваться несчастьям окружающих. Андрей был уверен, что и сейчас коллега по собственной инициативе вызвался проводить его, чтоб лишний раз позлорадствовать.

По выслуге лет Добряков уже дорос до должности начальника отдела и отстранение Николая Альбертовича открывало перед ним эту замечательную возможность на пару троюпутий раньше.

В лифте Добряков деланно сокрушался, доведя Иванова до бешенства. Между пятым и шестым Андрей, до этого ни разу не взглянувший на коллегу и не отвечавший на его якобы сочувственные сентенции, повернулся и прошипел что-то нечленораздельное.

Тот опешил и попытался придумать в ответ что-нибудь убийственное, но тут двери лифта открылись. Иванов схватил его руками, отодвинул в сторону и чуть ли не бегом бросился к указанному кабинету. Добряков хотел крикнуть ему вслед сформулированную наконец реплику, но лифт лишил его этой возможности, двинувшись дальше.

Агент дошел до двери с нужной табличкой и отдышался. Рядом со считывателем светилося табло с его фамилией. Он приложил к нему удостоверение, и замок щелкнул. Иванов вошел в просторную комнату. Раньше ему тут бывать не доводилось. Всю стену, где должно было бы находиться окно, занимал гигантский мерцающий трехмерный экран. Спиной к нему в широком кресле сидел Николай Альбертович.

Молчаливый спецгент, обслуживающий лабораторию, нажал на кнопку, и из пола выскочило кресло для Андрея. Он уселся и приготовился терпеливо слушать начальника. Тот молчал. Пауза затянулась. Иванов был готов к тому, что на его голову сейчас падут все громы и молнии, но никак не к такому. Огляделся. Лаборанта нигде не видно, будто спрятался в одной из камер, откуда выезжали кресла.

Молчание становилось гнетущим. Наконец Андрей не выдержал. Он начал робко, но по мере рассказа распалился. Странное дело, Николай Альбертович, натура в чрезвычайной мере экспрессивная, сидел и внимательно слушал, ни разу не перебив. В конце он встал и молча пожал ему руку. Значит, объяснение и план ему понравились.

Приехав домой, Иванов закрылся на кухне, курил одну за другой и думал о том, что ждет его завтра. Спать он лег за полночь, с трудом выиграв битву с бесформенной посапывающей массой жены за место на кровати.

И вот, Андрей теребил плащ, стоя в большой приемной первого уполномоченного по внутренним делам. Вокруг почтительно переминались с ноги на ногу другие агенты. Чином повыше полусидели на специально оборудованных шестиногих стульях с наклонными сиденьями, обитыми кожей. Стулья были одинаковой высоты, поэтому не для каждого оказывались удобными, однако если по рангу полагалось сидеть, то приходилось терпеть.

Четверо секретарей, развалившихся в крутящихся кожаных креслах со специально усиленной рамой, которая выдерживала их вес, с надменными лицами колдовали над попискивающими факсами. У каждого из них на столе стояло не меньше трех аппаратов, постоянно изрыгающих из себя ленты предписаний.

Двое служащих рангом ниже по знаку начальства насколько могли быстро разносили свитки, раскладывая их по ячейкам. Все служащие были обычными людьми – доходяжкам сюда доступа не было. После проглоченного документа ячейка издавала ФТУУУНПЩ – почта отправлялась в чей-то кабинет.

Время от времени высокие двери беззвучно распахивались, и по знаку молчаливого первого секретаря, у которого на столе помимо факсов стоял еще и портативный компьютер «Эльбрус», к первому уполномоченному отправлялся очередной агент или целая группа.

Выходили реже. Иванов поехал. О внутренних коридорах, ведущих из кабинета, ходили зловещие слухи. Обычно агент, который не вышел обратно в приемную, считался отправленным на спецздание. Так ли это было, доподлинно никто не знал.

Конбеев, служивший в соседнем кабинете, как-то шепотом поведал Иванову о своем коллеге, который отправился в управление внутренних дел и прямоком оттуда «с опасным поруче-

нием к границе». А через два дня Конбеев вез жену и детей этого специального агента на Старую Басманную, где с рук на руки передал троим уполномоченным.

– Знаешь, это жуть. – Шептал Конбеев Иванову, дыша смесью колбасного перегара и грибного паштета, который выдавали на обед. – Я никогда не забуду ее глаз. Мне Ведерыч приказал – езжай, говорит, на служебной машине к ее дому, забирай ее вместе с детьми и вези на Басманку. Ну, я радостно хватаю бумажку, ставлю печать на 5 этаже у нас там – и погнал. Приехал, в квартиру захожу, а они уже одеты. Вещей с собой нет, только у младшего в руках робот какой-то из мультиков этих.

И она дверь в комнату так закрывает, понимаешь, как будто прощается. Молчит, ну и я молчу, а что мне говорить. Выходим, спускаемся, сажаю их в машину всех на заднее сиденье. Умещаются они плохо, но терпят. И вот везу я их, а в зеркало ее глаза вижу. До самой души проняло меня, понимаешь, такая боль в глазах этих. Будто не на программу защиты ее везу, а куда на расстрел или распыление. Вот ужас-то!

Через несколько месяцев Конбеев сам отправился в кабинет, в который сейчас дожидался очереди Иванов. Больше Андрей его не видел. В служебной столовой на месте Конбеева на следующий день сидел какой-то новичок с шестого этажа.

Когда уже внутрь-то позовут?! Иванов ожесточенно пытался вытеснить жуткие мысли, навеянные воспоминаниями о Конбееве, и со смесью жалости и отвращения поглядывая на мучения Николая Альбертовича, который, стараясь не привлекать внимания, елозил по наклонному сиденью, положенному ему по рангу.

Николай Альбертович Коноплев, тесть Иванова, стал поперек себя шире задолго до введения чрезвычайного положения и единственного настоящего питания – любил человек покушать. Ростом же он не вышел, поэтому стул, рассчитанный на среднестатистическую высоту 177 сантиметров, был для него настоящей пыткой. Он не мог ни угнездиться на сиденье, потому что пришлось бы оторвать ноги от пола, ни привалиться к нему спиной – вряд ли позвоночник мог так изогнуться.

В органах внутренних дел Коноплев тоже оказался задолго до того, как это стало модным, – еще при Горбачеве. Впрочем, никаких особых успехов у него не нашлось, и при формировании специального бюро его заявку на прохождение теста отклонили. Из расформированной полиции Коноплева перевели в надзор, единственное, на что хватило его связей – протащить в свой отдел зятя.

Двери кабинета распахнулись, оттуда высыпало сразу несколько людей, прежде заходивших по одному. На их лицах явно читалось облегчение. Следом за группой катился в огромном моноколесе человек, ширина которого явно обогнала рост. Огромные кисти с лопатообразными ладонями безжизненно висели по бокам бочкообразного туловища. Он казался слишком жирным даже для обычных людей.

Судя по тому, что транспорт работал на электроприводе, это был явно не простой агент внутренних дел: такую дорогую технику мало кто мог себе позволить. Словно почувствовав взгляд Андрея, тип притормозил, повернул голову в его сторону и так зыркнул, что у Иванова выступил пот на спине. По нему будто проехал асфальтоукладчик, а не человеческий взгляд. Колючие глаза словно принадлежали другому телу, а не этой груди жира, обмякшей на моноколесе.

Находившиеся в приемной устремили взоры на Андрея. Тишина повисла такая, что ерзнувший в кресле секретарь вздрогнул от произведенного скрипа. В это же мгновение тип в моноколесе отвернулся и покатил к выходу. Массовое оцепенение спало, люди зашевелились, зашуршала одежда, послышался чей-то шепот.

– Коноплев, Иванов, в кабинет 636. – Не поворачивая головы в их сторону, вдруг распорядился первый секретарь. Николай Альбертович недовольно хмыкнул и отсоединился от своей персональной голгофы. Иванов пропустил тестя вперед. Они отправились к лифту

и в холле догнали человечка в моноколесе, который следил за табло, показывающим перемещение кабины по этажам. Услышав их шаги, он развернул свое кресло.

– Вам уже сообщили? Отлично! – Пухлые губы расплылись в улыбке, из-за чего щеки еще опустились и коснулись плеч, но глаза остались колючими и злыми. – Вы как раз ко мне.

Глава 4. Ужасный сон наяву

Темнота вокруг была абсолютной. Казалось, она просачивается внутрь, поглощает и преобразовывает во мрак все, до чего может дотянуться. Причем с огромным удовольствием. Будто ее кошмарное чрево обладает сознанием. Таким же черным, как и она сама. Злобным, жестоким, полным ненависти и желанием уничтожить.

Тьма была густой, словно кисель, в который повар случайно пересыпал крахмала. Она прижималась к его телу, обволакивала его, проникала через плотно закрытые глаза, вливалась сквозь стиснутые зубы чернильным отравляющим коктейлем. Он сопротивлялся. Не хотел стать частью этого мрака. Не мог себе позволить. Мысли текли свободно, никакая даже самая бесконечная тьма не могла поглотить их.

Он вспомнил яркую зеленую траву. И почувствовал, как мрак извивается и корчится от боли. Откуда-то из глубин памяти, из детства, выплыло ощущение травы, щекочущей ноги, чуть влажной от росы, прохладной и мягкой. Ее изумрудная стена непреодолимой для черноты преградой встала перед глазами. Зеленый кокон окутал его. Исчезло покалывание. Он вспомнил свое имя. Олег. Попробовал его, перекачывая губами буквы.

Вспомнил глаза жены. Глубокие, мудрые, светящиеся нестигаемой волей. Еще одна оболочка выросла на пути мрака. Он словно оказался закован в доспехи, рассеивающие тьму. Доспехи цвета ее глаз. Кто-то отнял их у него. Эти люди попытались отнять даже его воспоминания. Им почти удалось. Они жестоко поплатятся. Поплатятся за все. Больше он не будет играть по их правилам, пора отрыть топор войны.

Неудержимый гнев покрыл Горюнова третьим слоем брони, искрящимся, сверкающим и нестерпимо ярким для окружающего мрака.

Он попытался открыть глаза. Не вышло. Сделал попытку пошевелить пальцами. Что-то клейкое и студенистое завибрировало вокруг. От отвращения Олег непроизвольно дернул локтем. Масса вокруг него всколыхнулась. Он понял, что его ничего не сдерживает, и рывком сел, открыл глаза. Ошметки черного геля разлетелись по ванной комнате. По лицу и телу стекали куски мерзкого желе.

Олег смутно вспомнил, что не раз просыпался в пустой ванной, но не придавал этому значения. Он вообще прожил как в тумане несколько недель? Месяцев? Обычное слово всплыло в памяти без всяких усилий, заменив собой ненавистное после пробуждения трюпутие. А может, лет?

Зеркала не было, на стене, под лампочкой, тусклой и изредка помаргивающей, зияли три отверстия с обломанными краями. Раньше на этих местах были крючки, на которых оно, видимо, висело. Горюнов огляделся. Обстановка смутно знакома. Во время своего бездумного существования под шестнадцатым номером (ах, какая смешная шутка от его тюремщиков) он не раз бывал здесь.

По утрам просыпался под звуки прославленного марша и бежал по холодному полу сюда, в ванную. Кафель неприятно холодил босые ступни. Брал на полочке пузырек с черной жидкостью, отмерял в плохо привинчивающийся колпачок положенные шестнадцать капель, залпом глотал эту жижу, от которой сознание становилось еще более размытым, и садился на бортик: ноги немели. Пузырек он еженедельно носил к врачу на поверку и наполнение. Это происходило по субботам. В остальные дни ему надлежало трудиться.

Олег понятия не имел, что это за квартира и как он первый раз попал в нее. Жил один, это помнил точно. Некоторые события давнего и недавнего прошлого были подернуты плотной пеленой, за которой виднелись лишь смутные контуры, обрывки. Лоскутное одеяло, полное прорех.

Как его разлучили с женой? Силился вспомнить и не мог. Она вышла за него, зная, как он, ведомый жаждой справедливости, любит вязываться в безнадежные дела. Они познакомились, когда Олег лежал в больнице. Очередные бандиты, недовольные его активностью, нанесли ему несколько ударов ножом. А она приходила навестить отца после операции.

Она поддерживала его. Оберегала. Беременная ходила в суд, когда Олег боролся против застройки стадиона. Стойко переносила все его походы на мероприятия, с которых мог уже не вернуться. Все звонки с угрозами. Все обыски в квартире. А сейчас он даже не знает, где она.

Остатки геля неряшливо пузырились на полу и стенах ванной. Плохо покрашенная, местами облупившаяся батарея, на которой сушилось его белье, нелепо изогнулась, казалось, от собственного жара. Он вспомнил кампанию по нагреву горячей воды в 2016 – жилищные конторы решили сэкономить довольно изящным способом: просто перестали доводить проточную воду до регламентированной температуры. Тогда восстановить справедливость оказалось довольно легко.

Непонятно лишь, почему до сих пор по трубам бежал кипяток. Трусы и майки из грубой ткани с неровными швами, сушащиеся на раскаленной батарее, всем видом подчеркивали убогость обстановки.

Олег попробовал восстановить в памяти события после приема капель. Посидев какое-то время, он обычно умывался под тонкой струйкой коричневатой воды, текущей из замызганного крана, брил бороду одноразовым станком, причем каждый из них надо было растягивать на три дня, ведь всего он получал десять штук в троепутие.

Он был доходяжкой. Классовым врагом, червем, мерзким осколком темного прошлого, угрозой для человечества, объединенного высокой целью создания высокодуховного общества. Как только не клеймили единственную рабочую силу этого государства. Да, по радио и телевизору знатно умели затуманивать мозги. Действовала эта отравка для ума не так сильно, как капли, которые он принимал, но многим людям было довольно и такого яда.

Внешние враги имели довольно туманный облик, государству же, чтобы показать свою заботу о людях, необходим внутренний враг, осязаемый, осязаемый, живущий в соседнем доме, хорошо знакомый и такой ненавистный. И государство его не просто выдумало, а сотворило. Универсального, бессловесного и беззащитного, обвиняемого во всех бедах. А чтобы никто ничего не перепутал, врагов выделили внешне, создав доходяжек. Точнее, создав обычных людей.

И тут его пронзила боль. Горюнов понял, в чем заключалась его теперешняя работа. В этом было даже некое изящество. Эдакий глумливый жест профессионального бандита, чувствующего собственную безнаказанность.

Олег собственноручно участвовал в грандиознейшем надувательстве. Пожалуй, впервые за всю историю человечества этот термин можно было применить к целой стране. Хотя сейчас он не поручился бы, что страна еще есть.

Посмотрел на свои руки. На одной вены ужасно вздулись. У локтя был саднящий кровоподтек. В памяти всплыли доходяжки в парке и жуткая инъекция, из-за которой он едва опять не впал в почти бессознательное состояние. Его собственные руки превращали телеведущих-доходяжек и их гостей в обычных людей. Его собственные руки помогали вершить чудовищную несправедливость. Горюнов потряс головой.

Мерзко улыбающиеся клоуны, только что сытно пообедавшие едой, а не этим ее заменителем, в котором настоящим было только название, влезали в шкуры. Запах их пищи тогда служил единственной ниточкой, связывающей сознание Олега и его тело. А он, голодный, помогал этим гадам.

Застегивал шкуры, наполнял их воздухом, подворачивал губы и ноздри, открывал глаза и поправлял веки, поддувал специальными насосиками рты, подбородки, шеи. Следил, чтобы

не торчало незамаскированных участков. Дорогие рубашки и костюмы были пришиты к этим оболочкам, видимо, чтобы не терять время на переодевание.

Он выполнял работу механически, словно робот. Андроид, чье человеческое начало искусно подавлено каким-то химическим составом. Да, это было отличное надувательство. Непосвященный вряд ли бы отличил диктора новостей или ведущего видеосюжета в шкуре от обычного человека, чье тело отреагировало на сублимированное питание.

И вот, эти надутые индюки вещали с экранов, а Олег, сидя на полу, ждал звонка, означавшего, что сюжет закончился и пора развоплотить очередного мошенника, завершившего свои лживые речи на камеру. Он включал насос и сдувал шкуры, а потом еще долго развешивал их по стойкам и сушил от пота специальным порошком, прежде чем отправиться домой.

Теперь, когда он вспомнил все это, доходяжки в парке перестали казаться чем-то необычным. Они просто из высшей касты. Правительство всех обвело вокруг пальца, а если быть точным, то надуло. Питание, создаваемое по непонятным формулам, невероятные отключающие сознание и память эликсиры, телевизор, населенный образами обычных людей и клеймящий позором доходяжек – единственных, кто вообще выполнял работу в этой фальшивой стране. Надувательство, чудовищное, циничное, тотальное.

Он вспомнил операторов и осветителей, компьютерщиков, которые создавали обстановку для сюжетов. Их всех опоили, как и его. Заставили заниматься промыванием мозгов таким же ни в чем неповинным людям. Пропаганда вышла на новый уровень.

Олег зарычал, а тело свела судорога. Он вспомнил, как впервые получил инъекцию. Это случилось в изоляторе, в который его поместили вместе со многими другими оппозиционерами, по крайней мере он увидел много знакомых лиц, пока конвой вел его от машины к дверям. А машины все прибывали к зданию. Акция была масштабной. Партия хорошо подготовилась, честным выборам никто не должен был помешать.

– Не волнуйтесь, просто анализ крови. – Сообщил через медицинскую маску бугай, вошедший в одиночную камеру, где Горюнов сидел уже больше часа. – Закатайте, пожалуйста, рукав.

Такой вежливый. Олег даже не успел возмутиться. Хотя с какого ему должны делать анализ крови? Бред. Помутнение какое-то, он не подозревал подвоха, а зря.

Шприц вошел в вену, и Олег удивился тому, как внимательно на него смотрит этот человек. Глаза были злыми, цепкими. Под маской угадывались широкие скулы. Медицинская шапочка скрывала волосы и лоб, возле левого виска из-под нее виднелся шрам. Неуловимым движением тип поменял какую-то насадку, оставив иглу в теле Олега.

Боль была ужасной. От иглы словно пустились по руке в обе стороны разряды тока, обжигающе невыносимые. Он инстинктивно рванулся в попытке освободиться, но хватка оппонента оказалась мертвой, а реакция молниеносной. Олег получил мощный удар локтем в зубы, голова откинулась, во рту появился вкус крови. Вдобавок он ударился затылком о стену. Его свободная рука оказалась прижата к груди корпусом врага, а на ноги бугай надавил своим коленом.

Пытка продолжалась несколько секунд, которые для Горюнова растянулись на несколько мучительных часов между импульсами адской боли. Ее отголосок даже при простом воспоминании о ней зашевелился у Олега внутри, скрутив все внутренние органы, запустив от живота к горлу тяжелый комок. Он потряс головой, покачнулся и задел рукой батарею.

– Черт! – сунул ошпаренную руку в рот.

Когда тип вытащил иглу, у Олега почти не осталось сил, но он все же сумел прошептать «Я найду тебя!» непослушными губами. Он вспомнил, как тот пожал плечами.

Боль отступила. Сел на бортик ванной, привалился головой к дверному косяку. Мысли утрачивали четкость, путались. Тошнота подступала волнами. Перед внутренним взором попеременно крутились видения чужих пыток, на которые его таскали в перерывах между отупля-

ющими инъекциями. Что это были за издевательства и над кем, он не помнил. Только смутные образы палачей маячили перед ним.

– Номер 16! Ты номер 16! У тебя нет имени! – Трехмерная тень издевательски разевала рот. – Смотри, смотри, смотри! – И какие-то люди с невзрачной внешностью, одетые в военные мундиры, орудовали щипцами, клещами, молотками, иглами – мяли, рвали, растягивали, вырывали, дробили, кромсали, выкалывали.

К концу экзекуции их одежда и пол и стены вокруг становились черными от крови. Движения палачей или, лучше сказать, садистов, казались замедленными, а издевательский хохот тени и вопли пытаемых сводили с ума. Не смотреть было нельзя: веки зажимались тисками и любая попытка отвести взгляд или прикрыть глаза становилась персональным истязанием. Если он умудрялся потерять сознание, его стегали хлыстом, а тень словно надвигалась на него с невыносимым животным криком: «Смотри! Смотри, смотриииии!»

Потом он снова сидел, прикованный наручниками к столу, и следователи заставляли его подписать документы. Отречение от всего, во что верил, доносы, признания, сведения лживые и мерзкие. О нем, о его семье, союзниках и просто о людях, которых даже не знал. Он не мог этого сделать.

Сознание отключалось, но его приводили в чувство, окатывая ледяной водой, ударяя током, втыкая иглы – фантазия тюремщиков была скудной во всем, что касалось чего-то кроме изошренных издевательств над человеком. И все же он ни разу ничего не подписал. Захаркивал кровью листы, рвал их, прокорябивал при росписи, а однажды изловчился и воткнул ручку в руку замешкавшегося следователя.

После этого ему не давали спать трое суток, подвесив на раме в полувертикальном положении и включая стробоскоп каждый раз, когда он начинал проваливаться в сон. Если раздражающее мигание не помогало, конструкция, удерживающая его, начинала вращаться. В конце третьих суток он все же отключился, несмотря на пытки.

Очнулся Олег тогда на электрошокерной сети – еще одном приспособлении, причинявшем невыносимую боль. Тугие ремни прижимали все тело к проволочному каркасу. На случайные его участки подавался ток разной силы. Терпеть это без крика было невозможно. От собственных воплей закладывало уши. От пота и мочи, пропитавших одежду, – нос.

И тут в дверь квартиры постучали. Олег вздрогнул. Сердце бешено застучало, во рту появился свинцовый привкус. Сразу становилось ясно: это не сосед-доходяжка поклянчить хлеба, стук был другим – уверенным, четким, громким. Так мог позволить себе стучать лишь тот, кто имел право.

Олег лихорадочно соображал. Если его уложили в ванную, значит думают, что он под контролем. Черный отупляющий гель, обволакивающий тело, разъедал и душу. Почему же тогда пришли? Его опять пронзила судорога боли – вновь переживать потерю сознания и памяти, вновь стать участником эксперимента, который и не снился Оруэллу.

На какое-то мгновение задумался о том, чтобы утопиться в ванной: пока взломают дверь, пока его вытащат, он успеет наглотаться воды и навсегда исчезнуть из этого лабиринта страданий. Или можно выковырять лезвие из бритвы. Олег отбросил эти мысли. Пока жив, он может бороться. Отомстить. Гнев вспыхнул в нем с новой силой. Схватил белье, кое-как натянул его и поковылял по коридору.

– Иду, иду, – голос дрогнул. Он повернул ручку, открыл дверь. За ней стоял доходяжка с мутным взглядом и недельной щетиной. Лицо показалось Олегу знакомым, но как ни напрягал память, вспомнить не мог. Может, виной тому был изможденный и потрепанный вид пришедшего.

– Проверка водоотводов, – визитер махнул в воздухе листком бумаги, зажатым в руке. Горюнов безмолвно посторонился, пропуская работягу внутрь. Входя, тот приложил палец к губам, заговорщически подмигнул и сунул Олегу в руку выхваченный из кармана пузырек.

Все произошло мгновенно, незнакомец, не сбавляя шага, отправился в ванную. Вскоре оттуда донеслись скрежет металла и шипение. Олег замер у входной двери, пытаясь понять, что происходит, не очередная ли это хитроумная ловушка. От его тюремщиков, захвативших власть в стране, всего можно ожидать.

Он покрутил пузырек в руках. В нем плескалась мутная жидкость. Этикетки нет, но прямо на белой пластмассовой пробке простым карандашом кто-то нарисовал улыбающийся смайлик. Возле его рта виднелись четыре капельки – остроумный рецепт.

Горюнов захлопнул входную дверь и отправился посмотреть на гостя, чье появление так удивительно совпало с периодом пробуждения его сознания. Тот с невозмутимым видом стравливал давление из труб, умело орудуя разводным ключом. В подставленный тазик капала вода. Олег остановился в проеме и прислонился к косяку.

Он давно отвык от ясности мыслей и общения с другими людьми. Редко произносил за день больше пары десятков слов. Сантехник сидел на корточках, спиной к нему. Словно почувствовав его присутствие, мастер оглянулся и дружески улыбнулся. Но увидев, что Горюнов хочет заговорить, покачал головой и отвернулся.

Рабочий закончил манипуляции с трубами и поднялся. Он со значением посмотрел на Олега. Тот посторонился. Водопроводчик поднял вверх большой палец, а потом показал на уши и сделал вид, что поправляет гарнитуру.

– Здесь все готово. – Произнес он, намеренно говоря громче необходимого. – Следующая проверка труб в вашей квартире согласно регламенту пройдет через 36 троепутий.

– Ясно.

Закрыв за ним дверь, Олег пошел на кухню, вертя в руках флакон. Сантехник оказался ему честным человеком, но ведь его могли обмануть. Надуть. Это слово приобрело для него новую степень низости и подлости. Он вспомнил эпизод из «Властелина колец» с пленением Гэндальфа. Тот поверил одураченному посланнику Сарумана и поплатился за это. Что ж, выбора особо не было.

Четыре капли, отмеренные из бутылочки, обожгли язык, прокатились горячей волной по всему телу. Словно маленькие иголки прошли по сосудам. Огонь не делал больно, наоборот, следом за первой волной прошла вторая, он ощутил бодрость, какой давно не испытывал.

На часах, висевших на стене кухни, было девять. Секундная стрелка со значением отбивала каждый промелькнувший момент.

Календаря в своем жилище он не нашел. По радио диктор с надменной интонацией зачитывал списки доходяжек, допустивших на прошлой неделе ошибки в работе. Ведущий клеймил каждого, добавляя к имени и фамилии не только проступок, но и три-четыре эпитета. Похоже, этот приемник оказался единственной техникой в доме, работающей от розетки. Телевизоры полагались только обычным людям. Об этом ежедневно объявляли по радио.

На шильдике аудиосистемы вместо марки красовался лик президента. Олег усмехнулся. До лучезарного он еще доберется. Сначала надо разведать обстановку. Найти союзников, если это вообще возможно. С другой стороны, кто-то же приготовил для него зелье, доставленное под видом проверки давления в трубах. В любом случае торопиться нельзя.

Он прошелся по квартире. Изгибающийся буквой Г коридор, санузел, комната и кухня. Окно только на кухне, на древнем проржавевшем карнизе болтается пыльная штора, доходящая до середины рамы. Олег выглянул во двор. Детская площадка, вокруг несколько лавочек. Все усыпано листьями. Ни одной припаркованной машины.

– Ха! – Остановил он сам себя, – какие машины, раз нам даже трамвай запрещен. Мерзкое словечко доходяжка даже не пришло ему на ум.

Он перевел взгляд. Серое тоскливое небо с бугрящимися мозолями туч разительно отличалось от вчерашнего. Оно накрывало двор мрачным куполом, придавливало, угнетало, таило угрозу. Ни намека на то, что здесь может появиться солнце.

В квартире пусто, мебели почти нет. Возле входной двери большой шкаф, набитый каким-то тряпьем, на штанге несколько рубашек «для работы» и снятый через голову – чтобы не завязывать – галстук. Он с отвращением еще раз окинул взглядом ворох одежды под сорочками и закрыл дверцы.

На вешалке ужасного вида потертое пальто с вылинявшим воротником и по сравнению с ним выглядящий довольно сносно синий костюм, впрочем, немного заношенный. На полу стоптанные, вылинявшие, но все еще довольно крепкие, явно еще советского производства, темно-синие кроссовки с тремя полосками.

Вместо одного шнурка – бельевая веревка, второй заменен на нелепую подарочную тесьму, связанную узлом с обрывком какой-то бечевки. Олег усмехнулся. Вспомнились изящные туфли именитых брендов, в которых на съемки приезжали представители правящей элиты.

Он добрал до конца коридора. Комната – метров 6, не больше, мрачный чулан. Одна стена из кирпича, остальные со слоем унылых синеватых обоев с угрюмым орнаментом. Убогая люстра с тремя плафонами, лампа есть только в одном, да и та едва ли на 40 Ватт. Вместо кровати – одеяло на полу. Подушка – еще одно одеяло, свернутое в несколько слоев. Постель в следах черного геля.

Рядом с импровизированным ложем – большая нелепая тумбочка. На ней в строгой деревянной рамке лик президента – единственная изящная вещь в доме. Он смотрит немного с прищуром, уголок губ приподнят в язвительной усмешке. Мудрый и лучистый взгляд доброго правителя, знающего, что нужно его подданным.

Дверца тумбочки чуть перекошена на петлях. Пленка, которой она обклеена, на углах свернулась трубочками. Сверху налипли ворсинки и другой мусор, так что поверхность на ощупь кажется бархатной. Олег обыскивал жилище не только глазами, но и руками, пытаясь пробудить как можно больше ассоциаций и воспоминаний.

Внутри тумбочки царил относительный порядок. На одной полке лежит белье, на другой аккуратными стопками высятся простыни. Он вывалил все на пол. Перебрал. Ничего. Белье застиранное, местами чуть не прозрачное на просвет. Пошарил внутри осиротевшей тумбочки. На верхней полке нашлось 10 копеек, на нижней, устланной газетой, было пусто.

Зачем-то подняв страницу Московского Комсомольца за август 2014 года, он механически пробежался по заголовкам. «Америка – России: вы накормили голодных? Это вопиющая провокация», «Дети придут, а клоуна нет?» и «Время убирать камни». Последняя заметка рассказывала о трагичном футбольном матче в Алжире, после которого один из игроков скончался от травмы. Ее причиной был брошенный с трибуны и угодивший в висок несчастного булыжник.

– Жалко беднягу, – и тут Олег перевел взгляд с листа на полку, с которой его взял. Оценение длилось – он не знал – может, несколько секунд, а может, минут. На фотографии, раньше скрывавшейся под газетой, высился кладбищенский крест.

Безысходность, боль и ярость слились в животном реве, вырвавшемся из его груди, Московский Комсомолец в руках лопнул, как первый хрупкий ледок под подошвой осенним утром. Отшвырнул обрывки и повалился на кучу белья. Невидящий взгляд уперся в потолок. Сейчас ему было все равно, услышали его или нет. Ничего больше не имело значения.

Минутная слабость прошла, он был готов бороться. Настала пора положить конец всему этому. А чтобы его не вернули к овощному состоянию, нужно тщательно скрываться. Он и так мог выдать себя этим воплем, ведь человек, который недавно принес живительный раствор, предупредил о прослушке.

Олег аккуратно вернул тумбочке ее содержимое, на секунду рука дрогнула над фото с крестом. Собрал обрывки газеты и выбросил в унитаз.

В 9:30 нужно выйти и отправиться на работу. Передвигаться доходяжкам позволялось лишь пешком, поэтому путь занимал у него час с небольшим, хотя рядом с домом останавливался трамвай. Всего несколько остановок – и он мог оказаться неподалеку от студии.

До выхода оставалось полчаса. Закипятил воду в нелепом железном чайнике с истершимся узором из цветов на допотопной газовой плите.

Взял с полки чайный пакетик и сунул его в кружку. Напиток получился землистого цвета. Как не приюхивайся, запаха не ощущалось. На вкус эта бурда не слишком напоминала чай. Альтернативы не было. Он опять усмехнулся, вспомнив, как в перерывах между сюжетами ели и пили хозяева страны. Не только доходяжки, но и обычные люди не могли себе позволить понастоящему нормальной еды, такая появлялась только в спецраспределителях.

На студии он, конечно же, был. Еще бы, здесь снимались сюжеты про жизнь города. Частенько тут появлялся господин мэ́р, чтобы приодеться в шкуру и выступить перед населением. Для него и таких как он, но рангом пониже, и работал распределитель. Повара обычно трудились в две смены. И уж эти-то доходяжками точно не станут.

Хотелось спрятать пузырек с огненным снадобьем. Укромных мест в квартире Олег не нашел. С сомнением обследовал крышку мусоропровода. Будь у него скотч, может, получилось бы укрыть под ней склянку. Сполоснул кружку. Бурду, которая выдавалась под видом чая, он бы вряд ли стал пить снова, уж лучше обычная вода. Вылил остатки кипятка из чайника, насухо вытер его и перелил туда лекарство. Стер с пробки смайлик, тщательно вымыл пустой флакон и выбросил все.

Олег оделся, вышел из квартиры и запер дверь. На лестничной клетке почти темно. Впервые обратил внимание – на все окружающее он смотрел новыми глазами, – что на этаже не по шесть, а по десять квартир. В целях благоустройства, вне всяких сомнений. Зачем доходяжкам большие квартиры? Можно, не строя нового, лишь добавив стен и проломив место под двери, увеличить количество жилья почти вдвое. Налицо забота государства. Сразу стало ясно, почему в комнате нет окна, а одна стена без обоев.

Он засунул ключ в карман. На железном брелке красовался выгравированный лик президента. Спускаясь по лестнице, задумался, у кого есть дубликаты, ведь замки поставляются с комплектом минимум из трех ключей. Впрочем, гадать тут нечего – кто-то ведь укладывал его спать в ванной, наполненной черным гелем. Какой вообще смысл запира́ть дверь?

И тут Олег понял, что его задача на самом деле гораздо сложнее, чем казалось. Ему предстояло не вызывая сомнений компетентных органов жить как раньше. Действовать как человек, лишенный сознания. Механически выполнять свои обязанности и мириться с окружающим, мерзким и нелепым, абсурдным и гадким. И при этом знать, что, возможно, он ничего не сможет изменить. Не сможет отомстить.

Глава 5. Перспективы

Пончик разлепил глаза. Нестерпимо хотелось в туалет. Ватная голова слегка кружилась после выпитого накануне. Жуткий привкус во рту невыносим. Он откинул покрывало и попытался сесть. Это удалось сделать лишь со второй попытки. Врезаясь во все подряд и нескладно мыча ругательства, добрал до туалета и с наслаждением принялся отливать.

Пончиком его называли коллеги и друзья, на самом деле это был Иван Владимирович Трофимов. Особый оперуполномоченный специального бюро в чине лейтенанта. Здесь были в ходу такие прозвища, ведь никто из служащих не был обычным человеком, зависящим от единственного настоящего питания и голосов в телевизоре.

Друзьями Пончика и по совместительству коллегами были Зефир, Кекс и Гуща – сокращенно от сгущенки. В бюро работали не люди, а сплошные сладости, как шутил майор. И выпечка – обычно вторил ему кто-нибудь из подчиненных. Всем было весело.

Специальное бюро сформировалось сразу после президентских выборов. Все сотрудники силовых ведомств после сдачи экзамена и прохождения теста на полиграфе принимались в его ряды. Завалившие вступительные испытания отправлялись в службу надзора – подотчетный орган. Одним из указов правительства агентов надзора приравнивали к обычным людям – в целях экономии средств.

Пончик на момент создания бюро уже шесть лет как вернулся из армии и был пристроен дядькой в ФСО. Родственник до светлого будущего не дожил, поскольку обманул ожидания одного высокопоставленного лица, а сам Пончик безмятежно продолжал служить на благо родине. Он хорошо проявил себя в мрачных дружинах, что позволило поменять ему подержанный бумер на новенький лексус, а к двушке на отшибе добавить две трешки поближе к центру.

Одна из них была надежным пристанищем для него и ближайших поделщиков, которым с жильем повезло меньше. Вторая служила местом массовых загулов.

Зефир учился с Пончиком в одном классе и, как и друг, происходил из благонадежной семьи. Отец – генерал ФСБ, мать – переводчик при ведомстве. Зефир, а по паспорту Антон Сомов, жил с родителями в мраморных палатах, как их в полушутку величали приятели, неподалеку от Таганки, а вот Кекс и Гуща попали в обойму Ивана случайно. Первый работал простым участковым. Приехал усмирять пьяную вечеринку, спонтанно собранную по случаю возвращения Пончика из армии, да так и остался на этом празднике. С тех самых пор он был беззаветно предан хозяину.

Со Сгущенкой Кекс как-то познакомился в спортзале, после пары тренировок они отправились в бар и стали хорошими приятелями. Позже его представили Пончику, и Артем Сгущин быстро стал одним из его приближенных. Именно его стараниями Пончик стал обладателем новой навороченной мазды, впрочем друзья уже через пару дней расколотили ее в хлам на пьяных покатушках. Гуща о своем прошлом не распространялся, но за Пончика держался, пошел с ним в мрачные дружины, а потом и в бюро.

Из туалета Пончик отправился на кухню. Поиски в холодильнике не принесли результатов. Тогда он устремился к раковине, включил воду, жадно присосался к крану, потом сунул голову под струю. Постояв так минуты две, почти протрезвел, в голове прояснилось. Заварил кофе и занялся уборкой. На запах и шум, шурясь, выполз Гуща.

– Как сам?

– Бодрячком, хули.

Кофеварка пикнула, Пончик разлил по кружкам, плеснул ликера вместо сливок.

– Скоро в бюро. – Гуща поморщился, обжегшись.

– Да уж. А кто опять весь морс выжрал? В холодильнике два пакета вечером оставалось!

Гуща неопределенно хмыкнул.

– На вас не напасешься. – Пончик закурил. – Буди Кекса что ли.

Через полчаса они уже мчали в управление.

– Когда уже ты халупу ближе к работе оформишь? – Кекс не выспался и был сущим наказанием.

– Когда ты на пенсию выйдешь! – огрызнулся Пончик, одновременно показывая через стекло фак недовольному его маневром новенькому блестящему Сузуки. Его водитель выразил негодование длинным пронзительным сигналом.

– Можешь в надзор перейти, – поддержал Гуща, – там тебе не только жилье рядом с работой оформят, но и трехразовое питание. Еще и жену подберут.

– Сам вали. Слышали, кстати, надзор расформировывать хотят?

– С хера ли это? А кто всей этой галиматъей заниматься будет, ты что ли?

– С хера, не с хера, а типа их слишком много, убыточными становятся. Аренда там, все дела.

– Хорош гнать. – Пончик заехал на подземную парковку и остановился. Они собирались выйти из машины, как вдруг рядом резко затормозил подрезанный недавно Сузуки. Водительское стекло было опущено.

– Ты, дебил на Лексусе, ты попутал кому факи суешь? – Это был Лукум – старший лейтенант боевого отряда и предводитель конкурирующей за контроль над большим производственным комплексом в Очакове группировки.

– Не знал, что ты поменял тачло. – Пончик поднял руки, показывая, что не желает конфликта. Остальные молчали – Лукум формально выше по званию любого из них. Он секунд пять сверлил Пончика взглядом, но тут сзади появилась еще машина, и, презрительно цыкнув напоследок, подал вперед.

– Ну и чо ты его отпустил? – Гуща отличался сварливостью. – На хер бы его послал, прям подрезали, бедненького.

– Ты умный такой. Я махач на парковке должен был устроить? Тут камер понатыкано, потом будут на ковер гонять.

– А Гуща любит, когда его майор сношает. – Гоготнул Кекс. Они поднялись на свой этаж и разошлись по кабинетам. У Пончика он был хоть и небольшой, но свой, а Кекс и Гуща сидели в соседних банях. Согласно распоряжению начальства этим зародившимся в коридорах бюро словом официально заменили неугодный опенспейс.

Через полчаса все трое и подъехавший Зефир уже сидели в аквариуме, попивая привезенный им сидр, слишком терпкий, но зато не такой духовитый, как пиво: если нагрнет начальство, всегда можно сказать, что это газировка. На закуску был пакетик мармелада, но стаканы успели опустеть дважды, а сладости никто так и не вскрыл. В аквариум заглянул Круассан, понимающе хмыкнул, махнул всем рукой и ретировался.

– В каком цехе ты говоришь, этот сидр достаешь? – После полулитра Кекс обнаружил способность не только трезво мыслить, но и проявлять интерес к жизни.

– Вторая смена второго цеха гонит, я же говорил. – Зефир поморщился. – Вот только лукумовские бляди достали. Приедь я минут на десять позже, остались бы мы без сидра.

– Без сидра это еще ладно. – Кекс залпом осушил свой стакан. – Я слышал, на заводе шампуня тоже две группы схлестнулись за цех. Так одни по беспределу пошли – разворотили цех и всех доходяжек положили на месте. Типа, не доставайся ж ты никому.

Все бы ничего, да там мастер был среди доходяг, рецептуру что ли какую знал... Короче, шампанское после этого пить невозможно стало, фильтра поменяли, один хрен, лажа какая-то лилась. Пришлось всю линию во Франции что ль заказывать, убытков на миллионы. Самому полковнику пропистонов вставили...

– Да, убытков много, особенно на распыление целого отряда. – Зефир питал к службе чистки лютую ненависть, поскольку его семья неоднократно пострадала в результате частых

поисков предателей в рядах бюро. – А знаете, что самое замечательное? – Все знали, но остановить распаленного приятеля можно было лишь поссорившись с ним. – Самое, бля, прикольное! Что тех, с кем они гандошились за этот завод, – под распыление всех! Типа и на них вина! И вместе с семьями! До третьей степени родства! – В глазах Зефира стояли слезы. – У отца там родня была, по линии деда. – Он одним глотком допил свой сидр и отвернулся к стене.

– Антон, – Пончик обратился к другу по имени, чтобы подчеркнуть значимость сказанного, – мы это помним. – Зефир лишь дернул плечом, показывая, что не нуждается в утешении. Допив в молчании сидр, они разошлись по рабочим местам. Кекс прихватил с собой мармеладки.

Иван уселся за стол, подпер голову руками и почему-то задумался о том, когда его впервые назвали Пончиком. Вдруг дверь открылась, и в кабинет вошел капитан.

– Опять бухали вчера? – Он уселся на пуфик возле окна и закинул ногу на ногу. Начальство не часто осчастлививало его визитами, поэтому Пончик даже не дернулся, чтобы встать для приветствия, впрочем, от него этого сейчас и не ожидалось. Вопрос явно метил в риторические, и капитан продолжил уже серьезно. – Говорят, третий отряд серьезно нацелился на Очаково. Что и говорить, это лакомый кусок. Меня сегодня вызывал сам. – Он поднял палец вверх. – Мне дали ясно понять, что если вы с Лукумом будете вступать в конфронтацию, кое-кто рискует отправиться дослуживать в надзор.

– Что же вы хотите, капитан? Мой отряд считает объект одним из приоритетных. – Пончик уцепился за манеру речи начальника. – Я склонен полагать, что мы вправе продолжать разработку, поскольку три пятых территории комплекса проходят по нашей территории, что подтверждается кодексом от августа восемнадцатого.

– Пончик, я все понимаю, я донес эту информацию до майора, но это не повлияло на его решение. Возможно, Лукум договорился с ним напрямую. Все-таки у них есть общие родственники. – Заметив округлившиеся глаза подчиненного, капитан кивнул. – Да, да, ты не ослышался. Это и для меня сюрпризом было. Короче, я тебя обо всем предупредил, дальше крутись как знаешь. В первую очередь займись Сгущенкой, этот псих может наломать дров.

– А что я скажу Зефиру? Это его личный план разработки. – Попробовал было Пончик, но капитан уже поднялся. Перед выходом из кабинета он обернулся, – Это твоя проблема. И прекращайте бухать в аквариуме, я вас прикрывать не стану, если кто-нибудь ляпнет майору. – Тут капитан задержался у двери. – И вообще наверху, на самом верху, – он сделал страшные глаза, – поговаривают, что кодекс давно пора пересмотреть. Якобы сильно снизилась эффективность.

Дверь за начальством закрылась, и Пончик смачно выругался. Такого вороха дурных новостей ему получать еще не доводилось. Он даже не знал, что из всего, что он услышал сегодня, хуже. Посмотрел на часы: для обеда рановато. Подошел к окну. За ним по местами перерытой трещке время от времени пролетали машины. Он вспомнил, какие пробки тут обычно собирались еще не так уж и давно, и задумался о будущем.

Впервые за несколько лет перспективы становились весьма неблагоприятными. Это было в диковинку, и, прижавшись лбом к прохладному стеклу, Пончик неожиданно для себя всхлипнул.

Глава 6. Благое дело

– Володичка! – Дребезжащий голос ранил, интонация раздражала, да и повод, скорее всего, был неприятным. Он поморщился и открыл глаза. Так и есть, нянечка стояла над ним с тарелкой каши. Сегодня смена Вероники Самойловны, а значит, придется проглотить эту клейкую студенистую массу подчистую. Она насыщала, но ему больше нравилось ощущение голода.

Чем сильнее хотелось есть, тем яснее становилось в голове, тем быстрее и свободнее текли мысли. Он мог смотреть в окно и видеть деревья. Ему нравился этот вид. Иногда прилетали птицы, внося в его существование хоть какое-то разнообразие.

Он больше любил Наталью Ивановну. Та не заставляла его очищать тарелку, да и вообще казалась гораздо снисходительнее. Иногда он даже получал от нее подарок – масло в каше. Тогда пища казалась ему не такой омерзительной на вкус, как обычно. А как-то на ужин она положила ему в какао сахар. Другие пациенты – он слышал, когда его возили на операции, – тоже хвалились, что Наталья Ивановна угощает их продуктами, которые первой группе теста не полагались.

– Открывай ротик, золотце, – вырвала его из приятных мыслей нянечка, огромный комок каши приник к его губам, – сегодня покушаешь, а потом придет доктор. Сегодня будет хороший день. Сегодня вас всех поставят на ноги.

От удивления он замер с открытым ртом: сколько себя помнил, всегда сидел на этом кресле. Даже, когда ему делали операции. Оно стало его домом, как панцирь у улитки. Вот только он не обладал свободой передвижения.

Новая порция каши не замедлила занять неожиданно сданный фронт. Он с трудом размял ее языком, не сводя округлившись глаз с нянечки. Та мило улыбалась в ответ на его недоумение. Ему казалось, она получает удовольствие от его удивления и невозможности прояснить ситуацию.

– Как, м, как... – Судорожно прожеванная каша наконец освободила рот, но ясности мыслей это не добавило. – Как... на ноги?

– Не волнуйся, Володичка! Ты же знаешь, вы тут волонтеры, вы помогаете человечеству! Вас поставят на ноги, а потом, может, и другим это поможет.

– Да как же? Как на ноги? Я... Я не смогу! Я...

– Ну может, я выразилась более образно, чем хотела. Конечно, ходить вы уже не можете, вы слишком большие и тяжелые, а мышцы чересчур слабы. Но не волнуйся, вам вживят колеса в ступни. – Еще один ком каши отправился в его рот.

Тарелка все никак не опустевала. Хотя он уже после пары ложек стал терять остроту мышления, мог бы поклясться, что съел гораздо больше обычного. Его распирало, но ложка с кашей все так же маячила возле рта. Приходилось есть. Нянечка продолжала говорить, но он уже не воспринимал ее слов, лишь глядел, как шевелятся ее губы – тонкие и бесцветные.

Вероника Самойловна рассказывала, как волонтеры своей жертвой возродят величие России, остановят бездуховность и спасут человечество. Она думала, что это ее собственные мысли, на самом же деле об этом просто каждый день говорили по телевизору. Как опыты над волонтерами способны спасти народы всей Земли – и особенно от чего спасти – ей было невдомек, да и времени, чтобы задуматься над этим, отличить правду от вымысла тоже не находилось.

Нянечка любила кормить волонтеров, наблюдая, как они отупевают прямо на глазах. Сегодня ее ждал просто праздник – порции увеличили вдвое, чтобы компенсировать время на операции.

Владимир, как всегда, шел первым. Когда осталась примерно четверть дозы, он перестал перемалывать кашу. Его взгляд остановился, челюсти по инерции продолжали вяло двигаться,

из уголков рта потянулись полоски полуразжеванной массы. Вероника Самойловна стерла их ложкой, он никак не прореагировал на прикосновения.

Пора! Она отставила тарелку, нагнулась и нажала кнопку на задней поверхности кресла, куда он никогда бы не смог дотянуться сам. Включился электропривод, и нянечка отвезла его в операционную. Без мотора сдвинуть с места эти 400 килограммов ей бы вряд ли удалось несмотря на большие ободы.

В операционной сидел стажер Слава, попивая кофе из термocupки. Увидев первого пациента, он вскочил и побежал за доктором. Вероника Самойловна выключила электропривод, разложила кресло и отправилась на кухню за новой порцией каши для следующего подопытного. Выходя, она еще раз взглянула на тело, горой расплывавшееся по поверхности операционной и, казалось, занимавшее добрую ее половину. Вряд ли бы кто-то смог узнать в этой туше прежнего человека.

Вначале появились какие-то весьма неприятные ощущения там, где он уже давно ничего не чувствовал. Потом подключилось зрение. Он сидел в непривычной позе с почти вытянутыми ногами. И с его ногами что-то происходило. Стоял противный, мерзкий запах. Увидев, что он очнулся, кто-то сказал «Пора заканчивать». Он не знал этого человека – ни голос, ни внешность. На секунду его пронзил острый приступ боли, но тут же прошел.

– А мы уже и закончили. Правда, Володя? – Этого он знал – доктор, который частенько что-то с ним делал. Надо бы кивнуть, но не хотелось. Открывать рот тоже лень. Излишняя сытость мешала пошевелиться. Кажется, врач понял это, потому что добродушно улыбнулся.

– Можешь, Володя, не сомневаться, теперь сможешь двигаться. Без кресла. На мышцах мы все протестировали. Результат положительный. Хотя у некоторых экземпляров позвоночник не выдержал, но так то мышцы. А мы – люди! Нам и не такое по плечу, верно ведь? – И доктор с размаху хлопнул его по плечу. От места удара разошлись круги, будто камень в воду упал.

Он удивленно и испуганно наблюдал, как кресло на электроприводе раскладывается, переводя его в вертикальное положение. Раньше с ним такого не происходило, он даже не знал, что кресло на такое способно. Страх превратился в панику, начался озноб.

Слава, с неизменной термocupкой в руках наблюдавший за операцией, давился от хохота, глядя, как вибрирует от ужаса желеобразное тело пациента. Зрелище как ни крути не выглядело комичным.

Он услышал, как переговариваются врачи. Смысл слов ускользал. Звук доходил, будто они в другом помещении, хотя оба доктора стояли рядом с ним. Вата в ушах, туман в голове и ужас, ужас, окатывающий его ледяными волнами.

Наконец его ноги достигли пола. Он инстинктивно попытался поджать их, но ничего не вышло, мышцы не могли справиться с такой нагрузкой. Вдруг панику сдержало – видимо, сделали укол. Сытость пропадала, а с чувством голода приходила и ясность мышления. Он понял, что стоит на ногах, не касаясь кресла. Кто-то отодвинул его.

– Давай, Вовчик, шевели ногами. – Доктор по-прежнему ласково улыбался. – Потихонечку. – Слава опять прыснул.

О прошлой жизни он помнил только то, что она у него была. В новой его ждал первый шаг. Он с опасением смотрел на врача, но тот лишь продолжал улыбаться. Сытость окончательно прошла. И вот, он оторвал взгляд от доктора и перевел его на пол перед собой. Постарался сдвинуть ногу, и она послушалась! Ему не пришлось ее поднимать, она просто немного проехала вперед.

Он увидел, как радуется человек, который снимал его неуверенные движения на камеру. К съемкам он привык, а вот оператора этого прежде не видел. Все вокруг и даже Вероника Самойловна подбадривали и поторапливали его.

Доктор и его собеседник сзади гулко захлопали в ладоши. Он сделал еще шаг. Другая нога тоже проехала вперед. Еще два робких шага и перед ним непреодолимая преграда – ступенька высотой добрых пятнадцать сантиметров, через которую без видимых усилий только что спиной перебрался оператор.

Он остановился, но его понукали идти вперед. Кряхтя и испытывая боль, все же забрался наверх. Опять раздались аплодисменты. От усилий он взмок, ему неудержимо захотелось есть. Не успел он осознать это, рядом оказалась Вероника Самойловна:

– Проголодался, Володичка? Вот тебе за старания! – Ложка с кашей появилась перед ним, но чтобы дотянуться до нее, надо сделать еще шаг.

Глава 7. Два с половиной

Олег замер, не пройдя и половины пути до лестницы. – Насколько я должен стать отрешенным? Помнить обо всем, что сотворила власть. Видеть весь этот беспредел. И не проявлять эмоций. А что делать с бурой отравой, что я пью каждое утро? В первую же субботу я спалюсь. Хм, а что стало с теми листьями из парка, в которые я завернул труп комара? – Именно с насекомого и началось его возвращение к дутой реальности.

В нерешительности постоял на лестнице. Поискал глазами камеры. Не хватало попасться на такой мелочи. Похоже, под наблюдением только первый этаж. До субботы времени навалом. Можно что-то успеть сделать.

Вернулся в квартиру, убедился, что запер дверь, разулся и сперва слил в раковину пропущенную сегодня порцию отупляющей и ослабляющей волю жидкости. Про себя он окрестил ее регрессеном – созвучно какому-то лекарству. Слив противно, словно издеваясь, булькнул.

– Да нет, не могут же они в канализации в самом деле установить контроль этой гадости. – В это очень хотелось верить. – В любом случае надо быть осторожнее.

Олег залез в карман пальто и вытащил комок листьев. Развернув его, с удивлением понял, что комар – это крохотный коптер, а не насекомое. Миниатюрный шприц вполне можно принять за жало, вместо брюха пустая ампула. Тогда в парке он до этого не додумался, хорошо хоть догадался спрятать улики. Значит, пробуждение далеко не случайно. Значит, сопротивление есть и проверка водоотводов – второй этап спасательной операции. На душе полегчало. Он не один. Значит, шансы отомстить повышаются.

Главное – не пороть горячку. Не вызывать подозрений. Вести себя, будто ничего не понимаешь, будто надутая реальность – единственно реальная.

Сначала уничтожить улику, потом отправиться на работу. Вариант с мусоропроводом отпал сразу. Выбрасывать по дороге тоже опасно – могут заметить. Прятать дома – форменное безумство. Секунды бежали.

Медлить дальше нельзя: есть риск опоздать на службу. Завернул обломки обратно в комок листьев, уже подсохших и ломких, сунул его в карман и отправился надувать шкуры. На первом этаже догнал соседа, который механически протянул руку для приветствия.

Ладонь оказалась сухой и теплой. Одежда висела на этом когда-то явно статном человеке. Заношенные брюки лоснились. Ботинки были примерно того же года выпуска, что и кроссовки Олега. Потрескавшиеся, облупившиеся, стоптанные, с подошвами, не один раз заботливо подклеенными.

Взгляд соседа поймать не смог, но пришла уверенность, что тот просто мастерски отводит его. Это значило, что он обходится без регрессена – поговорить бы с ним, узнать его историю, да и вообще понять, что творится – информации катастрофически не хватало. Не сейчас, не под камерами.

Выйдя из подъезда, они разошлись в разные стороны. Олег сделал вид, что поправляет кроссовок. Притворяться почти не пришлось. Тайком понаблюдал за походкой соседа – деревянной, будто он шагал на шарнирах, – и заодно осмотрелся на предмет камер. Одну заметил под козырьком подъезда, другая, с 360-градусным обзором, висела гораздо выше на проводе, соединяющем его дом с соседним.

Хорошо хоть, аппаратура выглядела такой, какой помнил ее в своей прошлой жизни. Но кто сказал, что это все оборудование и где-нибудь не установлено скрытых камер?

Выпрямился и двинулся в сторону работы. Обломки дрона жгли карман. Нужно дойти до парка. Там он сможет избавиться от них.

Обычно он шел на работу в студию абсолютно механически, сейчас же впервые передвигался в полном сознании. Повсюду глаз замечал признаки упадка и бедности. Редкие прохожие

одеты в обноски. Многие явно под регрессеном. А те, что двигались не механически, старались идти быстро, не глядя по сторонам. Не видно ни детей, ни обычных людей. Камер на улицах мало.

Вывесок с адресами на домах практически нет, немытые окна скорбно тарашатся на пустынные улицы. Прошел мимо бывшей троллейбусной остановки, от нее остался лишь железный скелет. Не видел Олег ни одной машины, хотя на большой шоссейной дороге асфальт выглядел хорошо, за его состоянием явно следили. В отличие от вывесок и заброшенных магазинов. Не работали даже аптеки.

Хотя зачем теперь магазины. Он прошел мимо пункта патриотизма – здесь доходяжкам выдавались продукты и предметы личной гигиены. Мостовая грязная – частенько в дни обеспечения к пункту заявлялись обычные люди, чтобы выместить на доходяжках народный гнев. Обычно этот выплеск сопровождался забрасыванием помидорами и обсыпанием мукой.

На сером карнизе остался след от скрученных букв – Carlo Pazolini. Во всю давно немытую витрину растягивал тонкие губы в язвительной усмешке портрет президента. Изображение качественное, а глаза... Олег едва не сбился с шага – зрачки перемещались. Похоже вместо них установлены камеры. Большой Брат воистину следит за тобой.

Он шел дальше, одновременно стараясь осматриваться и не навлечь на себя подозрений. Вокруг нет-нет, да и маячили люди. Судя по тому, как быстро его нашли в парке спецагенты, среди прохожих вполне могли рыскать соглядатаи.

Дворами дошел до магистрали, кажется, Волоколамского шоссе – он и раньше не очень хорошо знал этот район, а за время вынужденного существования под регрессеном познания в географии, разумеется, не расширились. По трассе, словно ракета, пронесся темный автомобиль. Звук мотора еще затихал вдали, когда на дороге показался еще один. Этот ехал гораздо медленнее. Машина давно скрылась из вида, а Олег все стоял, провожая ее взглядом. Наконец сбросил оцепенение и свернул под мост, под которым пролегал кратчайший путь к работе.

– Нельзя так выдавать себя. – Голос позади едва не заставил его проломить головой мост. Горюнов сам не знал, чего стоило ему удержаться от прыжка. В кармане хрустнули остатки дрона – так он сжал кулак. Остановился и медленно повернулся, одновременно готовясь драться и убегать. И никого не увидел. Будь там кто угодно, он бы опешил меньше.

– Безумие какое-то. Ладно, потом разберемся. – Пробормотал и продолжил путь. Несколько раз резко оглядывался, но никого так и не увидел. Может, показалось. Зайдя в парк, вновь испытал недавнее ощущение защищенности, словно деревья могли ему помочь. Впрочем быстро отогнал от себя эти мысли – парк не скрыл его от агентов.

Еще раз огляделся, отошел от тропинки, расковырял в нескольких местах листья и землю подобранной тут же палкой и, ссыпав в приготовленные ямки части комара-дрона, замел следы. Разломал нехитрое оружие на несколько частей и разбросал их в разные стороны.

Чем ближе к выходу из парка и работе, тем сильнее колотилось сердце. Не давал покоя и странный голос из-под моста – не сошел же я с ума, в самом-то деле!

Вот уже среди деревьев виднеется здание. Это, в отличие от всех увиденных ранее, в прекрасном состоянии. Даже заслоненное ветвями, оно выглядело современно. Он шагал по дорожке, которая на глазах становилась все ровнее и презентабельнее. По краям появились бордюры, выкрашенные в яркие цвета, перед самым выходом из парка красовались резные лавочки. По обеим сторонам от каждой из них высились урны с отдельным сбором мусора – типа цивилизация, угу.

Территория вокруг студии огорожена высоким монолитным забором в несколько человеческих ростов, по верху идет сетка, видимо, под напряжением. Проекторы, камеры. Со стороны улицы несколько въездов, оснащенных защитными механизмами. Прямо перед Олегом к ближайшему свернул огромный Лэнд Крузер с тонированными стеклами.

Водитель, по виду доходяжка, вставил в картоприемник документ, и бетонные блоки опустились, открывая дорогу. Как только джип миновал первый контур охраны, препятствие почти бесшумно вернулось на место. Горюнов хотел посмотреть, как машина проедет дальше, но медлить было нельзя, и он прошел ко входу. И вдруг понял, что совершенно не знает, как себя вести. Будто назло никто не торопился на работу, ориентироваться не на кого.

Вошел, миновал рамку металлоискателя и оказался в закутке перед выступающим, словно нос корабля, постом охраны. За ним три двери. В какую входить? Один из троих сидящих на страже оторвал взгляд от монитора. Олег махнул перед ним карточкой. Тот нажал кнопку, и над самой правой, полупрозрачной, дверью, загорелся зеленый кружок. Что ж, теперь хотя бы известно, куда дальше. Вдруг из стены возле охранника выдвинулся сканер отпечатков пальцев.

– Странно, что я совершенно не помню про эту процедуру. – Приложил ладонь. Над дверью загорелся второй зеленый кружок, щелкнул замок. Олег толкнул дверь и попал в длинную кухню, напоминающую самолетный рукав. Воздух внутри затхлый, тяжелый. За спиной лязгнул замок. Внутри почти темно. Двинулся вперед чуть ли не на ощупь. С каждым шагом становилось светлее. Вскоре он достиг еще одной полупрозрачной двери. Именно через нее в рукав и проникал свет.

Нашарил ручку и попал в большой коридор с яркими лампами под потолком. В нескольких метрах располагался еще один пост охраны. Ему следовало пройти через него. Опять сканер отпечатков. Двери широкие, гораздо шире тех, что на входе в здание. Охранники в отличие от предыдущих – не обычные люди, вместо дубинок пистолеты.

Миновал второй пост. Дальше нужно выйти во внутренний двор. Здесь пахло едой. Да как! Жареные грибы, мясо, сыр. А еще сладкая выпечка. Аромат сводил с ума. Сглотнул слюну и чуть не подавился. За окнами второго этажа виднелся ресторан. За столиками сидели люди. Ни одного обычного человека. – Ну еще бы!

Пересек двор, уставленный машинами. Становилось понятно, что большой черный джип – идеальное средство передвижения современного гражданина. Чем больше и чернее, тем лучше.

Номера на всех авто – в новом формате, точнее вне всяких форматов. На самых пафосных – буквенные, вроде «БроШ», на тех, что попроще, что-нибудь вроде «4викинг77» или «куват999». Впрочем, логикой тут не пахло.

Зашел в корпус, где работал, и натолкнулся на очередных охранников. Эти тоже из высшей касты – по виду доходяжки, но в форме и при оружии.

– Номер, доходяга! – Приветствовал его крупный усатый мужик с гнилыми зубами. На куртке красовалась нашивка с надписью «Васяандр». Двое других увлеченно спорили о Людке с шестого.

– 16. – Сглотнул эмоции.

Постовой, не глядя в карточку, ткнул кнопку. Над турникетом появился зеленый кружок. Васяандр вернулся к жаркому спору коллег.

– Надеюсь, ноги не подведут. – Олег совершенно не помнил, на какой этаж ему нужно подняться. Преодолевал два пролета и вопрос, куда идти дальше, отпал сам собой: ход наверх преграждала решетка, украшенная внушительного вида замком. Свернул в коридор, похожий на гостиничный. По полу вальяжно раскинулся ковер малинового цвета. На дверях висели таблички с номерами в вычурных рамках.

Направление только одно – в противоположное от ресторана крыло здания. Ковер с густым ворсом полностью скрадывал звук шагов. У двери кабинета с номером 16 остановился. Рядом стояла маленькая тумбочка для обуви. В верхнем ящике нашлись бахилы.

Зашел, зажег свет и обомлел: длинные ряды вешалок со шкурами занимали огромное помещение длиной не меньше 50, а то и 100 метров. По самым скромным прикидкам здесь

висело не меньше тысячи личин. Горюнов еще не успел испугаться, что никогда в жизни не найдет нужную и его немедленно раскроют, как включилась мышечная память. Ноги все-таки не подвели. Он оказался у небольшого стенда. На нем булавкой приколот график сегодняшних трансформаций.

20 октября 2020 года значилось на листике.

– Два с половиной года! Какое! Больше! Что же случилось за это время? Как это стало возможным? – Олег не знал, сказал он все это вслух или просто подумал, но за спиной опять раздался голос, который настиг его под мостом. – Нельзя так выдавать себя!

На этот раз ему некуда бежать, поэтому обернулся молниеносно. И вновь позади никого. Горюнов потряс головой, ущипнул себя за руку. Он не спал. По крайней мере проснуться не удалось.

Глава 8. Сопротивление не спит

– Вадик, как прошло?

– Кажется, успешно. Будет видно завтра. У нашего объекта сегодня самый сложный день. Предписание на поверку труб готово?

– Да, Вадик, все, как ты и просил. Печати на месте.

– Ну что ж, ждем завтра. Надеюсь, нейтрализатор подействует.

– Можешь не сомневаться. – Глеб гордился тем, что бросил работу на кафедре генетики в Стэнфорде и вернулся в Россию, когда на родине вспыхнул пожар гражданской войны. Как же давно это было. Больше двух лет прошло. Он успел проделать огромную работу. Его состав должен победить. Или они все проиграли.

Вадик уселся на кровать и расшнуровал ботинки. Кажется, их миссия приближалась к концу. Если все пройдет удачно, телевизор покажет людям правду. Он предпочитал не думать, что случится после этого. Леня говорил, что всем пофигу, никто и с места не двинется.

Вадик надеялся на другой исход. Больше верить было не во что. Он закинул ноги на кровать и улегся. Сказалось напряжение последних дней – уснул моментально. Глеб заботливо накрыл его пледом и отвернулся.

Даже во сне тревога не отпускала. Вадику виделось что-то размытое, какой-то калейдоскоп из искаженных злобой лиц, беспрестанно мельтешащих вокруг. Постепенно круговерть замедлилась, и незаметно превратилась в построение солдат спецназначения на Красной площади. Они цепью вставали вдоль стены Кремля, поднимаясь со стороны Васильевского спуска, куда их подвозили автобусы. У каждого на ленте автомат.

И вдруг увидел себя в толпе людей, выливающейся на открытое пространство перед ГУМом из Никольской улицы. На лицах окружавших его покорность судьбе, на некоторых – страх. Матери прижимают к себе детей, в глазах у них слезы.

– Прости, внучок. – Старик напирал сзади, вынося Вадика на площадь. Морщинистое лицо, неопрятная борода.

– А что случилось, куда мы идем? Почему все идут?

– Говорят, пора, нужно идти. Ну, вот и идем. Да ты иди, иди, все равно летать не умеешь. – Последняя фраза старика заставила его вздрогнуть. Он ощутил возможность полета. И только подумал об этом, как ноги оторвались от земли. Его тело, вибрируя, зависло в воздухе в полуметре над землей. На лице старика удивление смешалось с ужасом.

– Внучок, внучок, что ж это делается-то? – Он затравленно стал озираться, но толпа вокруг оставалась равнодушной. Лишь слышалось шарканье ног да невнятный гул. У кого-то на руках ревел младенец. Сквозь толпу к нему спешили двое вояк в малиновых беретах, немилосердно лупя всех, кто не спешил убраться с их пути.

Вадик понял, что солдаты проталкиваются вовсе не к заливающемуся слезами ребенку, а к нему. Толпа расходилась перед ними и тут же смыкалась за спинами. Почувствовал, как в плечи вцепился старик. Пальцы костлявые, но неожиданно сильные. Обернулся и увидел жуткий оскал и стеклянные глаза. Борода топорщилась. Военные почти рядом. Один вытаскивает оружие, другой расталкивает толпу перед ним. Еще чьи-то руки схватили его за одежду. Те же невидящие глаза – зомби, которым управляет кто-то еще. Просто дергает за ниточки.

Каким-то звериным чутьем Вадик понял: сейчас нельзя лететь. Что есть мочи рванулся вниз, держащие его руки сорвались, куртка треснула, чей-то палец, пытаясь удержать беглеца, прочертил на ней длинную отметину, пух клоками неряшливо свесился по краям. Упал на колени, пополз между ногами, отбивающими марш. Люди безучастно шагали и шагали, а он

пробирался между ними, пробуравливался головой, втянутой в плечи, расталкивал руками, срывался и отступался.

Сначала Вадик двигался вместе с толпой в сторону Кремля, лишь немного наискосок, но потом резко сменил направление. Пробирается сразу стало труднее. Тела, словно забор, сомкнулись перед ним. Силы иссякали, а он, судя по зданию Исторического музея, чья крыша мелькала в просветах между чужими головами, оставался практически на том же месте, где его едва не сцапал старик, превратившийся в зомби.

Осознав это, Вадик перестал проламываться сквозь людей. Поднялся с четверенек и огляделся. Оказался за спиной у солдат, которые бросились к нему, когда он оторвался от земли, но сейчас там и сям среди толпы торчали береты других вояк. Все они довольно далеко, и никто его пока не замечал. Вадик напрягся и взмыл в воздух.

Что бы ни служило для него тягловой силой, оно было очень мощным. Почти моментально оказался выше крыш и продолжал удаляться от земли. Задранные головы уже не различались, людское море внизу из разрозненных фигур превратилось в единую массу, как вдруг свист ветра изменился. Стрекот автоматов подсказал, что военные спохватились и пытаются остановить его. Восприятие окружающего изменилось, время словно замедлилось. Вадик замечал полет пуль и усилием воли уходил с траектории огня.

В конце концов оказался в недосыгаемости солдат и, по широкой дуге огибая Кремль, направился к Храму Христа Спасителя. Там в неприметной нише располагался один из тайных ходов. Москва с высоты казалась нарядной и красивой. Вымытые блестящие дома, украшенные яркой иллюминацией, дорогие машины на улицах. Вдруг его взгляд выпал за пределы центра. Будто из помпезного королевского дворца он перенесся в бедную деревню: столь разительным было отличие. Пораженный увиденным, не сразу осознал, что на границе слышимости появился и нарастает странный гул.

За спиной раздалась выстрелы, но не такие редкие, как раньше. Вадик резко вильнул вниз и влево. И вовремя: несколько пуль скользнули по куртке. На хвосте у него висел вертолет. Огонь вели из сдвоенного пулемета. Он выдал серию виражей, резко снижаясь и все равно каждый раз чудом ускользая от очередей. Обострившиеся чувства позволили услышать, как где-то под ним пуля разбила стекло на чердаке дома, залаяла собака.

Идти к убежищу с неприятелем на спине не имело никакого смысла. Сил на маневры тоже оставалось не так много. Вадик чувствовал, что с каждым поворотом вражеский стрелок предугадывает его движения лучше и лучше. Паузы между очередями все меньше, а злые косяки пуль пролетают все ближе.

В очередной раз заложив вираж, он скорее почувствовал, чем увидел или услышал, как над облаками несется смерть. Стремительные тени истребителей промелькнули над ним. Развернулся и, выписывая спирали разного диаметра, ринулся к вертолету. План привести к нему ракеты казался идеальным.

Пилот боевой машины оказался не лыком шит – когда Вадик оказался в левой нижней точке своей траектории и стал выходить на следующий виток, он бросил аппарат ему навстречу и влево-вниз так резко, что непристегнутый пулеметчик вылетел из кабины. Он чудом успел схватиться за турель и нелепо дрыгал ногами, пытаясь попасть обратно.

Вертолетчик снова резко сменил направление, еще больше подныривая под Вадика, не давая ему поравняться с кабиной, и закрепленный на рельсах пулемет вместе с уцепившимся за него стрелком забросило обратно в чрево гудящей лопастями машины.

Шипящая смерть была уже совсем рядом, а поток воздуха от винта не давал снизиться. Времени на раздумья не оставалось вовсе. Вадик, преодолевая страх, полетел к земле. Пилот потерял его из виду и закрутился на месте. Почти поравнявшись с вертолетом, Вадик обогнул его по касательной, чуть не налетев на лопасти, и продолжил падение.

Очнулся он, видимо, почти сразу. Тело нестерпимо болело: чувствовал себя будто тесто, которое раскатали по столу. О новой попытке взлета не могло быть и речи. В голове стоял гул. По шее бежали струйки крови, стекающие из ушей. Вытер их рукавом и отлепился от кирпичной башенки на крыше дома, к которой его прибило взрывной волной. Рядом солидный кусок крыши провалился – похоже, туда попали остатки взорвавшейся ракеты. Место вокруг него напоминает решето. Откуда-то снизу доносятся вопли. Вертолета не слышно и не видно.

Перебрался на четвереньки и заглянул в дыру. Отверстие небольшое, пролом ведет и дальше, внутри дома догорает пожар. Везде пляшут маленькие язычки пламени, но все, что могло гореть, кажется, кончилось, и огонь, не находя пищи, угасает.

Похоже, на чердаке никого, и можно поискать там убежище. Вадик развернулся к провалу спиной, лег на живот и осторожно стал сползать вниз. Судорожно цепляясь за край пролома и едва не сорвавшись сквозь пробитые перекрытия дальше вниз, спрыгнул на чердак.

Сделал пару шагов и повалился на пол: сил не осталось. Оказавшись в темноте и относительной безопасности, хотел поспать. Подложил руку под голову и стал ерзать, чтобы улечься поудобнее. Ниже этажом или двумя кто-то не переставал голосить, но не успел Вадик прикрыть глаза, как к крикам присоединился гул вертолета – значит не разбился. А может, прилетел другой.

Практически перед его глазами в провал спустилась веревочная лестница. Откуда только взялись силы. Вскочил и ринулся прочь от пролома в крыше, через который влез сюда. Чердак большой и практически пустой. Пол устилает каменное крошево и голубиные экскременты. Он спрятался за несущей колонной и привалился к ней спиной. Не успел затаиться, как увидел луч прожектора, рыскавший по помещению в поисках его следов.

Через несколько секунд или, может, минуту, выстрел из пистолета заставил смолкнуть не прекращающиеся до этого вопли. Вадик беззвучно выругался. Сколько трупов на счету этих ублюдков? Луч прожектора давно замер на месте, он светил на соседнюю колонну. Солдат крался к ней, оглушительно громко хрустя камнями, иногда попадавшимися под ноги. Держась в тени своей колонны, Вадик выглянул.

Боец в полной экипировке, камуфлированная броня, темный шлем с щитком, в руках автомат. Вдалеке натянута веревочная лестница, на которой держится прожектор. Похоже, ее сняли с вертолета и закрепили где-то на крыше, иначе она бы болталась и луч света двигался в такт ее движению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.